

**НИНА
ВАСИНА**

*Красная Шапочка,
черные тулочки*

детектив
не для всех

Нина Васина

**Красная Шапочка,
черные чулочки**

«Автор»

Васина Н.

Красная Шапочка, черные чулочки / Н. Васина — «Автор»,

Девочка с необычным именем Нефила отправляется в гости к бабушке. Как в доброй старой сказке, на ней – красная шапочка, в руке – корзинка с пирожками. Серого волка девочка не встречает, но зато натывается в лесу на двух странных субъектов, один из которых тяжело ранен и вскоре умирает. А его приятель, увидев Нефилу, предложил ей... выйти за него замуж, согласившись любезно подождать, пока девочка закончит школу. А что, подумала Нефила, почему бы не выйти? И вышла. Красивый и богатый муж – что еще нужно вчерашней школьнице? Но, как вскоре выяснилось, ее супруг, которого зовут Гамлет, решает для себя вопросы в духе: быть или не быть – он должен срочно достать очень крупную сумму денег, иначе есть риск погибнуть в самом расцвете сил. Но одному ему, без помощи Нефилы, с этой проблемой, конечно, не справиться...

© Васина Н.

© Автор

Нина Васина

Красная Шапочка, черные чулочки

Выражаю свою благодарность и восхищение Игорю Акимущину, написавшему любовный трактат о пауках, который надоумил меня переосмыслить зрительное восприятие приятного и отвратного.

Паука слегка придави и положи в изюминку или кусочек масла либо хлебного мякиша – и пилюля готова! От всех болезней она помогает.
Врач Уотсон, 1750 г.

Свадебную ткань привезли только к трем часам дня. Самолет опоздал. Я была спокойна, как дохлая рыба, – просто валялась в гостиной на диване с десяти утра (назначенное время бракосочетания), пила martini, ела виноград и красную икру. На мне были черные ажурные чулки, красные туфли на тончайших каблучках, черный кружевной лиф, выгодно выпячивающий мою грудь наружу, и алые шелковые трусы-юбочка. Без четырех метров мадагаскарского шелка я наотрез отказывалась слезть с дивана – не то что надеть на выбор любое платье из трех срочно доставленных из салонов для новобрачных.

– А мы не будем нервничать, – сказал жених. – Мы будем вспоминать нашу первую встречу. – И глаза у него при этом стали задумчивые-задумчивые.

У меня отменный жених – высок, красив собой, богат, а что самое главное – ценит в человеке принцип. Вот сказала я, что пойду под венец только в мадагаскарском шелке и что это для меня принципиально, и теперь нужно вывернуться наизнанку на этом диване, стараться не смотреть на огромные воздушные облака свадебной роскоши, развешенные в гостиной, плевать косточками и терпеливо ждать исполнения желания. Чтобы не потерять легкий – почти незаметный – оттенок уважения в его глазах.

– Нет, ты не подумай, я понимаю, что этот самый шелк обязательно красив и, если судить по цене, стоит дороже золота, но, птичка моя, ей-богу, я одну тряпку от другой отличаю только по цвету. Может, для разрядки примеришь парочку brasлетов и колье?

– Невозможно, – покачала я головой. – Никак не возможно. На фоне такого шелка бриллианты смотрятся, как осколки хрустала.

– Знаешь, если бы я мог взглянуть хотя бы на лоскут этого загадочного шелка. Тебе, конечно, видней...

– Я сама его никогда в глаза не видела.

Мой великолепный жених обошел диван дважды, потом склонился надо мной в своем черном смокинге, и от напояженных волос потянулась струйка горького запаха. Сильными ухоженными пальцами он поправил бретельку лифа, щекотно тронул кудряшку у виска, провел указательным пальцем по моей верхней губе.

– Не сейчас! – отвернулась я.

– Ты хочешь сказать, что никогда не видела ткань, за которую я отвалил столько денег?

– Никогда. Это же мечта. Это как алые паруса, понимаешь?

Я вглядываюсь в его лицо. За три дня, которые прошли между его окончательным предложением и нашей свадьбой, я узнала о нем слишком мало.

– Алые паруса – это я понимаю. Хотя мне у Грина больше нравится «Крысолов», – кивает мой суженый и замечает: – Но я понял про мечту. Я не дурак.

Какое облегчение! – он читал Александра Грина.

Три дня назад, ранним розовым утром, когда мы с Авоськой праздновали мой выпускной, на смотровой площадке Воробьевых гор с визгом затормозил изрядно замызганный джип.

Из него сначала вышел огромный человек в строгом черном костюме и с красной бабочкой на шее. Человек этот с удивительно отсутствующим выражением лица смотрел перед собой светло-серыми, почти бесцветными глазами. Он медленно открыл заднюю дверцу – выкатился веселый рыжий толстяк, сразу же начавший прихлопывать в ладоши и веселиться с упоением давно не гулявшего пуделя. За ним показался другой весельчак – высокий брюнет в белом льняном костюме: одной рукой он изобразил приветствие, а другой – с трудом вытащил за собой тяжеленный букет роз, как упирающуюся козу.

Естественно, все мои одноклассники тут же сгрудились возле меня и Авоськи – вероятно, чтобы посмотреть, как я рухну под тяжестью сотни роз, потому что брюнет кое-как доволоч этот букет к человеку с застывшей физиономией, а тот торжественно протянул его мне.

Наступила тишина. Рыжий толстяк бегал кругами с радостным повизгиванием, брюнет раздевал меня глазами и потихоньку краснел, а человек-шкаф стоял, держа в вытянутых руках тяжелые розы, мощно дышал и успевал настороженно осматривать всех посторонних вокруг джипа.

– Это я, – выступил вперед брюнет в белом. – Ты меня узнала? – И достал коробочку, в которых обычно дарят кольца. – Помнишь свое обещание?

Я кивнула и покосилась на Авоську.

– Пусть скажет громко, чего ему надо, – шепнула Авоська.

– Какое обещание? – послушалась я Авоську.

– Выйти за меня замуж, как только кончишь школу, – уточнил брюнет.

За семь лет, прошедших с нашей первой встречи, он похудел и погрустнел глазами.

– С чего бы я должна это делать? – Я упорно приглашала его солировать, а он то ли не понимал, то ли принципиально сопротивлялся. – Мне только семнадцать.

Внимательно взглядевшись в мое лицо, он произнес:

– Такой уговор. Я бы взял тебя в жены и десятилетнюю, но ты сказала, что хочешь закончить школу.

Тут из толпы моих одноклассников вышла Розочка и, громко хлопая ресницами, горячо зашептала:

– Дяденька, возьмите меня в жены, я ужасно покладистая на этот счет!

– Или меня! – трагично вскрикнул красавчик Ерохов. – Я совсем не покладистый, я ссоры люблю, потасовки, кровь и вино!

– Минуточку! – вмешался рыжий, торопливо утерев лицо платком. – Тут ведь важно соблюдение определенных правил!

– Брось розы! – приказала я шкафу. Тот покосился на жениха и, получив утвердительный кивок, разжал руки.

Розы с шорохом рухнули мне под ноги.

– Кто из вас троих станет на колени и будет просить моей руки? – Я показала пальцем на толстенные шипастые стволы.

– Помилуй бог, я женат! – отмахнулся рыжий.

На лице огромного квадратного человека проявилось что-то вроде легкой растерянности. Потом его лицо вдруг дернулось и расплылось в улыбке, обнажив выступающие передние зубы.

– Ладно, я понял, – кивнул мой жених. – Я все понял, я был не прав – слишком поделовому подошел к столь важному моменту. Я стану на колени и буду просить твоей руки, но только после уточнения некоторых вопросов. Вопрос первый. Когда у тебя были месячные?

Даже Авоська застыла, открыв рот, а уж она-то всегда найдет что сказать.

– Нетка, это извращения, беги, мы тебя прикроем! – заорал Ерохин.

– Только что прошли, – с дрожью в голосе призналась я.

– Отлично, – кивнул жених. – Тогда, если ты не против, свадьба через три дня. – Открыл коробочку и взял меня за руку, чтобы нацепить на палец кольцо.

– Ничего не получится, – отбивалась я, обратив внимание, что кольцо из белого металла с тремя крупными прозрачными камнями. – Ты не успеешь... Платье...

– Платье купим любое за два часа.

– Нет. – Я упорно качаю головой и смотрю на него с исследовательским интересом. – Я пойду под венец только в мадагаскарском шелке.

– Хоть в африканском! – еще не понимает жених.

– Минимум четыре метра, – устрещающе замечаю я. – Столько могут не собрать во всем Мадагаскаре!

Почувяв неладное, рыжий вклинился между нами и вытащил мою руку из руки жениха. Он потряс ее, слегка сжав в потной мягкой ладошке, и от души представился:

– Ёр-р-рик. Конечно-конечно, – закивал он радостно, хотя я не собиралась ничего спрашивать, – можете называть меня «бедный Ёрик», всегда пожалуйста! Так что там с мадагаскарским шелком? Вы сказали: столько не собрать?

– Точно. – Я выдернула руку и потихоньку вытерла ее о черное платье. Мое выпускное платье было черным, а шляпа с огромными полями – красной, и приколотая птичка на этой шляпе была настоящая колибри – чучело.

– Так-так-так... – забормотал Ёрик. – И что это за шелк такой?

– Долго объяснять, но...

– Вот и не надо, и не объясняйте, желание невесты – закон! Вы только скажите «да», хорошо?

Я чуть наклонилась, потому что Ёрик был мне по плечо, и громко крикнула ему в лицо:

– Да!!

– Не мне! – отпрыгнул Ёрик и спрятался за телохранителя в красной бабочке.

– Ладно, Ёрик, кончай эти переговоры, – решил жених, посмотрел мне в лицо с вызовом и вдруг рухнул коленями на шипы – в самую середину сваленных толстых стволов. – Будь моей женой, разреши мне тебя любить и защищать, – произнес он, когда выдохлось общее «А-а-а-х-х!».

– Разрешаю...

Я продержалась на высоких каблуках еще минут десять, пока из джипа выгружали ящик шампанского и открывали бутылки; потом предчувствие обморока заставило взять в руки по туфле и бежать босиком – по разлившейся пене, по россыпям конфетти, по клочкам тополиного пуха – так долго, насколько хватило сил дышать.

– Когда ты встал с колен, на белых брюках проступили красные точки. – Я выбираю самую большую виноградину и катаю ее по лицу, пока она не нагреется и не потеряет своей холодной нежности. – Ты исколол свои колени до крови.

– Да что там – пропал костюм! – соглашается мой жених, поглядывая на часы. – Когда ты сбежала, твоя подружка... эта, как ее?..

– Авоська?

– Да, она все выпытывала у меня – зачем я спрашивал о месячных.

– И что ты сказал?

– Сказал, что хочу иметь сразу же после свадьбы полноценный, ничем не сдерживаемый секс дней на десять.

– О! – Я округлила рот и попробовала эротично протолкнуть в него нагретую виноградину.

– Знаешь, что мне сказала эта язва? Она, видишь ли, подумала, что меня беспокоит происхождение крови на брачной простыне. Вроде того, что я должен быть уверен – это кровь девственницы, а не кровь месячных. Ты обсуждала с подружкой наш договор?

– Договор о моей девственности? Конечно, обсуждала. Сразу же после того, как ты выскочил на меня из леса. Попозже. Вечером. С бабушкой.

– Ты еще и бабушке это рассказала?

– Я должна была выяснить, что такое – девственница! Мне только что исполнилось десять – тебе не приходило в голову, что я просто могу этого не знать?!

– Десять!.. – Мой жених садится на ковер у моих ног, снимает туфельку и задумчиво проводит моей ступней по своей щеке. – Ты была так прекрасна, у меня сердце остановилось, так ты была прекрасна! Испуганная, как застывшая на секунду в луче солнца птичка...

– А ты был настоящий идиот! Весь в крови выскочил из кустов на ребенка и плотоядно зарычал: «Красная Шапочка, я тебя съем!» И бросился кусать мою коленку!

– Я не кусал! Я упал перед тобой, обхватил ножки, чтобы поцеловать. Согласен, с Красной Шапочкой получилось слишком напряженно, но я же сразу попросил прощения и еще попросил стать моей женой.

– Я чуть не умерла со страха!

– Да? Мне так не показалось. Ты потрепала меня ручкой по затылку и нежно так согласилась: «Хорошо-хорошо, только мне нужно закончить школу». Такой прагматизм меня привел в замешательство. Мне стало стыдно своего возбуждения.

– Ничего тебе не было стыдно. Взял меня на руки и с пристрастием стал допрашивать!

– Ничего я не допрашивал. Я спросил, целовалась ли ты в губы. Я же не просто так спросил, я хотел, чтобы ты разрешила мне показать тебе, как нужно правильно целоваться, раз уж мы с тобой пришли к такому важному соглашению – стоило закрепить его поцелуем. – «Пять раз», – ответил мне ангелочек с запахом ванили и яблок. – «Наверное, тебе понравился этот мальчик, раз ты целовалась с ним пять раз?» – Я решил притупить укол ревности, да-да, настоящей ревности! И что же я слышу в ответ? – «Это были пять мальчиков», – отвечает моя прекрасная птичка! Что я должен был подумать? Пять мальчиков! А я уже предложил этой ветренице руку и сердце!

– Да ты весь затрясся как больной, опустил меня на землю и потребовал обещания, что сохраню свою девственность для мужа. Что мне было делать? Я обещала, обещала, обещала... У тебя глаза плавали в полном безумии, руки и одежда в крови, лицо залито слезами!..

– Ладно, не вспоминай, у меня тот день был просто черным, пока я не встретил тебя. Проклятый день...

– А у меня тот день был решающим. Как будто я переступила границу света и тени. Я помню все до мелочей, все краски и запахи. Разве так бывает?

Мне было десять лет. Стояло яркое июньское утро, и все было бы прекрасно, если бы не ранняя пора этой яркости и легкого душистого ветра (тополя расклеились) – шесть утра! Мама растолкала меня и попросила испечь пирожки. Она не обращала внимания на мои глаза, вытарашенные в сторону тикающего будильника, на зевки во весь рот.

– Я сделала опару, а она не подходит! – восклицала мама в отчаянии. – Сегодня седьмое июня, тебе уже десять лет, это очень важный день, очень! Опростоволоситься в такой день будет самым страшным ужасом моей жизни!

– А что у нас седьмого июня? – сочувственно поинтересовалась я.

– Это день бабушки.

– Бабушка умерла зимой, а родилась весной.

– Это другая бабушка! – Мама трясет меня за плечи и умоляет поторопиться: поезд в десять двадцать.

– Поезд? Какая-то бабушка приедет к нам на поезде?

– Да нет же! – Она толкает меня к раковине и даже делает довольно неумелую попытку обмыть холодной водой лицо, как маленькой. – Это ты поедешь на поезде!

- Здорово! – От такого сообщения я моментально проснулась. – Одна?
- Одна – до Мещерской, а там тебя будут ждать и отвезут в Загниваловку на телеге!
- Куда меня отвезут?
- В Загниваловку, к бабушке. Ты ее не помнишь, это моя свекровь – мама твоего отца.

Ну, шевелись же, я тебя прошу!

Осмотрев совершенно бесчувственное сероватое месиво в миске, я уккоризненно вздохнула:

- Дрожжи разводила молоком?
- Молоком! – стонет мама.
- Нагрела как следует, да?
- В книжке написано, что разводят теплым молоком!
- А ты, как всегда, чтобы побыстрее было, решила, что чем горячее, тем лучше, так? –

провожу я следствие, обряжаясь в фартук. – Ничего с этой опарой не выйдет, ты сварила все дрожжевые споры.

– Чего я сварила?

– Много-много крошечных розовых зародышей будущего чревоугодия. Понюхай, их окоченевшие трупы уже пахнут тухлой кислятиной!

Мама шарахается от поднесенной к ее лицу миски.

– Что же делать? – Она в отчаянии.

– Купим этой бабушке десяток эклеров в булочной на углу. Подумаешь, проблема!

– Ты не понимаешь, у нас уговор, и я должна была его выполнить день в день! Я проснулась ровно в полночь, с потолка свисал тяжелой паутиной страшный космический мрак, и я вспомнила, что обещала своей свекрови девять лет назад, клялась, можно сказать, на крови!

– Сядь, – предложила я на всякий случай табуретку. Мама была не только бледная, она была еще и потная! С виска стекала капля пота, и это убедило меня в важности происходящего.

– Твой отец не хотел разводиться, хотя уже сожительствовал с другой женщиной! – вдруг громко воскликнула мама.

– А это тут при чем? – Я обеспокоилась, не тронулась ли мама мозгами от запаренных горячим молоком дрожжей.

– А свекровь сказала, что поможет избавиться от этого бабника и заставит его платить деньги на содержание ребенка, но при одном условии! В первое воскресенье июня месяца, когда тебе исполнится десять лет, ты должна приехать к ней в гости!

– Интересная мысль. – Я тоже присела рядышком, наклонилась и положила голову маме на колени. – Десять лет – это странно, тебе не кажется? Она что, боится маленьких детей?

– Нет. – Мама замаялась. – Как бы это сказать... Она не была уверена, что я смогу тебя вырастить до этого возраста и не угробить, понимаешь?

Это я как раз отлично понимаю. Мама дважды забывала меня в младенческом возрасте в коляске у магазинов и четыре раза в песочнице у дома, когда я уже начала ходить. Но дело, конечно, не в этом. Дело в Службе спасения. Был такой кошмарный год, когда я вызывала эту службу шесть раз. У мамы при протирании пыли дважды застревала рука в батарее, она провалилась ступней в сток унитаза и не смогла ее вытащить, постирала котенка в стиральной машине вместе со своим шелковым бельем (деликатная стирка), свалилась с балкона, вешая простыни, и повисла на оборванном шнуре, обмотавшем ее запястье, а уговорив меня, шестилетнюю, покататься на санках, села показать, как правильно рулить на льду пруда, и дорулила как раз до проруби. Сердобольные диспетчеры в Службе спасения, уже узнающие мой голос по телефону, во время успокаивающих разговоров советовали мне (шестилетней!) пройти курсы оказания первой медицинской помощи, побыстрее научиться плавать, готовить, стирать и убирать квартиру. Что я и делала в перерывах между учебой и балетной школой.

– Ладно, – сказала я маме. – Десять лет наступило в прошлом месяце, я выжила. Что дальше?

– А дальше свекровь сказала, что сама разберется с укреплением твоей жизнеспособности.

– Да я ее не помню!

– Это неважно, – отмахнулась мама. – Пирожки, вот проблема!

– А пирожки зачем?

– Она сказала, чтобы в первое воскресенье июня твоего одиннадцатого года жизни я испекла пирожки, – вспоминает мама, – приготовила ее любимое... О боже! – Она вскочила и забегала по кухне. – Ее любимое селедочное масло! Нет мне прощения!

– Еще и масло, – только и смогла посетовать я, уроненная ею на пол при вскакивании.

– Масло – это просто, – утешает себя мама, – это ерунда совсем, нужно из селедки вытащить все кости, прокрутить ее через мясорубку и смешать со сливочным маслом в какой-то простой пропорции. Это просто, но вот пирожки!..

– Давай выпотрошим и вымоем холодильник, – предложила я.

– С ума сошла? – ужаснулась мама. – Сегодня еще и холодильник мыть?!

– Ты же знаешь, что это самый простой способ обнаружить много забытых там продуктов. Это я на селедку намекаю. Ты хоть представляешь, что это значит – вытащить все кости?

– Ну, это наверняка не трудней, чем приготовить дрожжевое тесто, оно-то требует часа три...

– Нам повезет, если мы найдем какую-нибудь забытую банку с селедкой в винном соусе или что-то подобное.

– Точно! – обрадовалась мама. – С Нового года должны были банки остаться!

Обрадовавшись, мы вытаскиваем все из холодильника. С удовлетворением первобытных охотников, заваливших мамонта, оглядываем массу упаковок и упакобочек, банок, пластмассовых салатников. Определяем наконец источник подозрительного запаха, изводившего нас с прошлой недели, – это протухшее треснувшее яйцо, оно свалилось в тарелку с остатками тертого сыра и затерялось там.

– А сайра в собственном соку не сойдется вместо селедки в винном соусе? – с надеждой интересуется мама.

Я задумываюсь и решаю, что самое время кое-что выяснить.

– Как ты к ней относишься?

Мама сразу понимает, о ком я говорю, и отвечает искренне:

– С ужасом.

– Мы можем, конечно, сделать ей масло с этой сайрой в собственном соку, но только если хотим отравить бабушку. Банка вздулась, и дата употребления давно просрочена.

– Пусть живет! – отмахивается мама.

Вероятно, я не совсем правильно поняла, что она понимает под «ужасом».

– То есть ты хочешь выполнить заключенный с нею договор и отправить меня в эту Зафигаловку...

– Загниваловку.

– Ну да, в Загниваловку. С пирожками и селедочным маслом. К страшной вредной бабке, которую я совсем не знаю!

– Она сидела с тобой до восьми месяцев, я писала тогда диплом, и мне было совсем невозможно...

– Но я ее не помню! Почему ты никогда о ней не рассказывала? Где фотографии, где поздравления с праздниками? Как ее вообще зовут? Почему ты не называла ее имени?

– Я боюсь ее, – честно отвечает мама. – Боюсь так, как ничего больше в жизни не боюсь.

– В прошлом году ты говорила, что боишься выкидыша!

– Выкидыш, – доверительно сообщает мама, – это ерунда по сравнению с твоей бабушкой. Но она честно выполнила свою часть уговора. Твой отец взял на себя все хлопоты по разводу, исправно переводит на книжку деньги и даже дал номер телефона, по которому я могу звонить с просьбой о помощи. Она сказала, что я больше не увижу его, а тогда для меня это было важно. Она сказала, что я и ее никогда не увижу, но для этого и нужно-то было всего лишь отправить тебя сегодня в Загниваловку.

– Ладно, не кисни. Что-нибудь придумаем.

В холодильнике нашлась подсохшая пачка творога, половина соленой горбуши и банка красной икры.

– Из этого сделаем тесто для пирожков, – стукнула я творогом по столу, – а из горбуши и икры – селедочное масло; ничего, что оно будет красное? Бабушке понравится. Остался последний вопрос. С чем будут пирожки? Какая начинка?

– Как это? – удивляется мама и кривится, предчувствуя дополнительные сложности. – А разве пирожки – это... Ну да, я спутала с оладьями – оладьи без начинки, а пирожки с начинкой...

– Что она любит?

– Она?

– Ну да, эта странная бабушка. Скажи наконец, как ее зовут!

– Рута Даниловна, – шепотом произносит мама и опасливо косится за спину. – Видишь паука в углу? – вдруг спрашивает она. – Он нас слышит.

– Он нас еще и видит, но беспокоиться нечего – мы слишком крупная добыча, – успокаиваю я маму, как могу. – И с чем же пирожки любит бабушка Рута?

– Я не знаю, – разводит руками мама. – Я помню только, что она не любила шарлотку, которую я всегда пекла на скорую руку; ну, ты знаешь – бисквит с яблоками...

– У тебя это омлет с яблоками, – уточняю я. – Ты думаешь, она не любит печеные яблоки? Отлично, сделаем пирожки с яблоками. – Я выкладываю на стол два красных яблока и одно зеленое.

– А ты уверена, что из этого... – мама брезгливо трогает слегка заплесневевшую пачку творога, – получится тесто?

– И прелюбопытное, – успокаиваю я ее. – А ты пока отвари горбушу, минут пять.

– С хвостом? – ужасается мама и осторожно нюхает подсохшую рыбу.

Мы даже успели к отходу поезда.

– Так ты умеешь готовить? – уточнил мой жених.

На часах – полдень.

– Есть такой грех, – киваю я.

– Это же отлично! Моя жена... Моя первая жена ни черта не умела делать. Так, болталась дорогой пристежкой к автомобилю.

– Когда... Когда вы развелись? – решила я на выяснение некоторых деталей прошлого.

– Разве я не говорил? – удивляется мой жених. – Мы не развоились. Перед тобой – вдовец! – Он встал и отчаянно мотнул головой, стараясь изобразить военную выправку. А в глазах – злость.

– Ты злишься, потому что я в такой день спрашиваю тебя о первой жене?

– Нет. Я вспомнил, как именно все произошло.

– Я не хочу ничего знать. Если ты ее убил на рассвете, удрученный брезгливостью, с которой эта женщина ответила на твои ласки, либо в обед, когда она бросила тебе на тарелку что-то уж совсем неудобоваримое, или к вечеру, когда вы опаздывали в оперу, а жена запуталась в бриллиантах и рухнула на ковер, разбив вазу династии Тинь ... если ты даже придумал ее в

полночь, обнаружив в нижнем белье жены, разбросанном на полу, чужую мужскую запонку, – мне на все это абсолютно наплевать!..

Я вскакиваю с дивана и черно-красным смерчем несусь к ванной комнате.

Там меня долго выворачивает наизнанку виноградом и красной икрой с мартини.

Вернувшись в гостиную, обнаруживаю, что на моем месте на диване развалился Ёрик. Он так широко раскинул ноги, что я сразу же заподозрила у него как минимум воспаление мошонки. И носки!.. Эти короткие носки цвета крем-брюле из-под синих штанин и пять сантиметров обнаженных щиколоток с невероятной волосатостью!.. На всякий случай зажимаю рот рукой.

– Я чувствую, что тебе сегодня ночью придется попотеть! – радостно объявляет Ёрик, толкнув слегка озадаченного жениха плечом. – Девочка-то с неумным воображением! Ты слышал? Ваза! Опера!.. А запонка?! Обратил внимание на запонку в нижнем белье на полу?

– Птичка моя, – осторожно поинтересовался жених, – куда это тебя занесло? Какая запонка? Моя жена перерезала себе вены в перламутровой ванне.

– Не называй меня птичкой! – затопала я ногами. – Ты хотя бы знаешь, как меня зовут?! Ты знаешь, что обозначает мое имя?

– Ну, голубки, я вижу, у вас начались настоящие разборки. Говорил же я, говорил – в загс нужно бежать в любом виде, а уже потом, после регистрации, без спешки обменивались бы под поцелуи взаимными подробностями личной жизни. – Ёрик встает и некоторое время задумчиво оглядывает нас по очереди. – Да-а-а... – вздыхает он. – Удивляюсь я на вас. Столько энергии, боже ж мой, столько энергии, столько огня в глазах!.. А там, за дверью, подружка сердечная истекает любопытством. Пускать?

– Да как он смеет? – зашлась я негодованием. – Что значит – пускать? Это моя подруга, она может приходить в любое время, я не собираюсь ни у кого спрашивать...

– Пусти, пожалуй, – кивает жених. – Пусть моя девочка успокоится.

– Как же – успокоится! Рыдать небось сейчас начнут в два голоса, – предлагает свою версию нашего с Авоськой общения Ёрик.

Мы особенно не поплакали. У нас на это не было времени. Авоську, оказывается, с самого утра ко мне не пускали. Она от этого так разозлилась, что все ее веснушки на лице побледнели – а это верный признак бешенства – грусть и слезы отдыхают.

– Оставьте нас наедине! – с показной надменностью приказала Авоська.

Долговязая – на голову выше меня, отчаянно рыжая, вся покрытая легкими веснушками, словно капельками гречишного меда, Авоська свирепо оглядела сначала раскинувшего ноги Ёрика, потом – грустного жениха рядом с ним на диване.

– Занялись бы лучше делом, – процедила она сквозь зубы и поинтересовалась с уничижающим презрением: – Надеюсь, юристы твоего жениха дождутся прибытия мадагаскарского шелка?

– Ты слышал, Гамлет, оказывается, этот долбаный шелк должен употребляться невестой в присутствии юристов! – Ёрик опять толкнул плечом жениха и язвительно поинтересовался: – Мадам, а прокурора позвать не надо?

– Сплюнь! – очнулся жених.

– Мадемуазель! – повысила голос Авоська.

– Такие подробности твоей личной жизни нас мало интересуют, – с плохо скрываемым презрением отмахнулся Ёрик. Странно, но между ним и Авоськой с первого же дня знакомства образовалось мощнейшее поле взаимного раздражения, переходящего в ненависть. Мой жених объяснил это тем, что они оба рыжие.

– Ты что, не сказала им о договоре? – повернулась Авоська ко мне.

– Зачем заранее расстраивать деловых людей, – изображая полное равнодушие и скуку, отмахнулась я. – Не будет шелка – не будет свадьбы. Не будет свадьбы – зачем тогда обсуждать договор?

– Не понял, какой договор? – заинтересовался жених.

– Естественно, брачный! – процедила сквозь зубы Авоська.

– Не понял, это что же получается? – вскочил Ёрик. – У вас заготовлена малява, которую вы собирались подsunуть на подпись перед дверями загса? Гамлет! Это – шантаж!

– Еремей Срулевич, будьте так добры, не употребляйте в разговоре с приличными людьми бандитского жаргона, – ласково попросила Авоська, пробежав по комнате, чтобы между нею и Ёриком оказался большой круглый стол.

– Слышал? – завелся с пол-оборота Ёрик. – Эта ссыкуха опять обзывает меня по отчеству! А я ведь просил три раза, по-хорошему просил!..

– Ёрик, пойдем ко мне в кабинет, позвоним нотариусу, – встал жених. Он задумчиво оглядел меня, взял за руку, подвел к освободившемуся дивану, усадил и поцеловал в ладошку. После чего посмотрел на Авоську, настороженно застывшую, и удрученно заметил: – Какое поколение выросло предприимчивое, ты только посмотри!..

И я не поняла, чего больше было в его голосе – восхищения или разочарования.

Оставшись вдвоем, мы с Авоськой крепко обнялись.

– Чего это они так быстро смотались? А не влепить ли нам друг дружке по сочному поцелую в губы да с подсосом? – прошептала Авоська мне в ухо. – Небось камер понатыкано в каждом углу! То-то Срулевич подпрыгнет у монитора!

– Дался тебе этот Ёрик! – посетовала я, а про себя подумала, что сексопатологам нужно запретить воспитывать детей. – Рассказывай, как там моя мама?

– Ни сном ни духом! – доложила Авоська. – Я сказала, чтобы она никуда не выходила из дома, сидела у телефона, ты сообщишь ей очень важное известие в течение дня.

– И что, она даже не поинтересовалась, в чем дело?

– Она сказала, что знает тебя до этого самого... как его – до мозга костей! Ничего себе выраженьице! Просто из лексикона маньяка-потрошителя. Сказала, что, скорей всего, ты сегодня сдаешь экзамен в МГУ, скорей всего – провалишься, но обещала сидеть у телефона, ждать твоих рыданий и приготовить шарлотку с яблоками.

– Почему именно в МГУ?

– Это элементарно. В МГУ экзамены начинаются раньше, чем в других вузах.

– Ладно, теперь рассказывай, как ты?

– Меня окончательно бросил Ерохин.

– Да ну?! Когда?

– Вчера. Мы с ним вплотную подошли к обсуждению интимных подробностей мужского и женского организма, и я решила окончательно выяснить уровень его отношения к моей словесной и поведенческой раскованности.

– Я ничего не понимаю. Говори нормальным языком!

– Короче, Ерохин наконец меня раздел, а на следующий день – твоя свадьба; я подумала: вдруг у тебя все сорвется – шелк, например, не привезут – и решила выяснить планы Ерохина на наши дальнейшие взаимоотношения. Если твоей свадьбе что-то помешает, неплохо было бы заручиться обещанием Ерохина жениться на мне. А что? Что ты так смотришь? Тоже какой-никакой, а вариант. Короче, как только раздел, я ему и сказала...

– Что сказала?

– Что у меня есть дочка.

– А он?

– А что он... Сначала не поверил. «Ты совершеннолетняя?» – спрашивает. Прикинь: как трахаться, так его мой возраст не волнует, а как заговорила о дочке...

– А ты?

– Показала паспорт, чтобы он не переживал, – уже шестнадцать. Показала фотографию Нары. Что тут было! Такого я еще не слышала. Только представь: он совершенно не в курсе подробностей размножения плацентарных млекопитающих! Спрашивает, во сколько лет у меня появилась эта самая дочка?

– А ты?..

– Я, в надежде на откровенный разговор и взаимопонимание, честно отвечаю – в девять лет. Учитывая шоковое состояние и особенности обстановки – все-таки мы оба голые, – на всякий случай добавляю: месячные у меня пошли в четырнадцать.

– А он?

– Обозвал развратной дрянью, собрал свою одежду и ушел.

– Да, – кивнула я. – С биологией у Ерохина всегда была напряженка.

– Забудь, – говорит Авоська, а у самой подбородок трясется, и веснушки приобрели свой естественный цвет, и глаза потемнели.

– Перестань, – обнимаю я ее и прижимаю к себе. – Все уладится. После моей свадьбы встретитесь, поговорите, еще смеяться будете.

– Не буду я с ним разговарива-а-ать! – заревела Авоська. – Моральный урод! Образи-и-ина!

– Неправда, он очень хорош собой, греблей занимается. – Я глажу Авоську по длинной худой спине.

– А как же ты? – давится она плачем. – Он такой старый, такой... странный. Ты только представь своего жениха голым!.. Рядом – в постели!

– Ну и что? Представляла много раз.

– И как он дальше все делает, представляла?

– Представляла. Почти каждый вечер в течение последних семи лет.

– Это же надо, как он потревожил твое юное либи-би-до, – икает от слез Авоська, отстранившись и внимательно рассмотрев вблизи мое лицо. – Ты что, хочешь сказать, что все время была влюблена в него?

– Ничего не знаю! – Теперь я прячу лицо в шею Авоськи. – Может, это помешательство со мной такое случилось от ужаса!

– Ну что я говорил – рыдают! – Мы с Авоськой в ужасе повернулись на крик Ёрика. Стоя в распахнутых дверях, он ослепил нас вспышкой. На фотографии мы получились с перепуганными заплаканными лицами – две девочки, вцепившиеся друг в друга с надеждой на спасение: одна – рыжая и в слезах, а другая – в неглиже. До сих пор я храню эту фотографию как напоминание о том, что страх наказуем.

Семь лет назад проводница пятого вагона долго не могла понять, почему ребенка отправляют одного.

– Для меня это будет гораздо безопасней, чем с мамой! – уверяла я.

Проводница не хотела брать на себя ответственность – мне нет двенадцати. Тогда я стала ей рассказывать о бабушке, которую в жизни (сознательной) не видела, о пирожках («хотите попробовать, только что испекла, тесто творожное»), но она согласилась только потому, что три часа езды до станции Мещерская это, действительно, как уверяла мама, все равно что на электричке. И вот я в поезде, и на все купе моя корзинка благоухает теплыми, укутанными в льняные салфетки пирожками, а впереди – первое в жизни самостоятельное путешествие, и ужасно добрый очкастый старик интересуется, как меня зовут, и я отвечаю, что мама зовет меня Неточкой, как у Достоевского, а вообще-то у меня редкое имя – Нефила, и тут уж все купе сразу начинает интересоваться, что это за имя такое, а мне становится ужасно весело, и я смеюсь от души, а они не понимают почему. Мама, взбивая мягкое сливочное масло с про-

крученной через мясорубку отваренной и выуженной из шкурки и освобожденной от хребта горбушей, между делом сообщила, что это бабушка Рута настояла на таком имени.

– И ты позволила? Ты даже не знаешь, что оно означает!

Добавляя под моим строгим надзором в полученную массу икру, она предположила, что, скорей всего, это имя византийское, и вдруг, задумавшись, вспомнила, что был выбор. Све-кровь предложила ей на выбор два имени – Агелена или Нефила.

– Агелена – это так красиво! – чуть не разрыдалась я. – Как ты могла назвать меня Нефилой?! Знаешь, как дразнили меня в старой школе? Некрофилой! Ты знаешь, что такое – некрофила?!

– Не кричи! – испугалась мама и задумчиво заметила: – Дети – такие паразиты...

А я хохочу в поезде, потому что ужасно радуюсь, что меня не называли, к примеру, Каракуртой. «Как тебя зовут, девочка? – Каракурта ядовитая!» Я узнала еще в прошлом году на экскурсии в Тимирязевском музее, что Нефила – это название паука. Не знаю почему, меня это не огорчило. Мои одноклассники в это время толпились у засушенных бабочек под стеклянными витринами, никто не видел, как я разглядывала стенд с образцами тропических птицеводов.

У паука нефилы самцы по размеру и весу в тысячу раз меньше самки. Вот что совершенно для меня непостижимо. В тысячу раз!

Засыпая, я иногда представляю, как уже взрослая, высокая и ужасно красивая, беру своего мужа в ладошку, обмахиваю его перышком от пыли и крошек (я подсчитала, он будет граммов 50–60, не больше), кладу в карман, чтобы не потерялся...

Я совершенно спокойна относительно своего имени. Я узнала, что в шестнадцать лет имя можно поменять на любое другое. Надеюсь, строгие распорядители имен и выдаватели паспортов разрешат мне это сделать, узнав, что именно обозначает мое имя. Стану Антонией, Кристиной или... Агеленой!

– Агелена!.. – шепчу я в шею Авосяки и вдыхаю успокаивающий запах ее волос.

– Чего? – встрепенулась Авосяка. – Совсем плохо, да?

А на станции Мещерской не было в тот день ни души. Я обошла небольшое пристанционное пространство, потом вошла внутрь высокого красивого дома, прочитала все сообщения у окошка кассы, осмотрела огромную печь – от пола до высокого потолка всю в изразцах – и стала думать, что могло случиться. Я, конечно, сразу подумала, что бабушка Рута, естественно, могла умереть за эти девять лет ожидания, или сдохла лошадь, которая должна была дотащить на себе телегу, или все забыли обо мне совершенно, и тут очень кстати пригодятся пирожки и икорно-горбушное масло в глиняном горшочке. Потому что, узнав, куда мне нужно ехать, и что в этой самой Мещерской за день останавливается только один поезд из Москвы и один на Москву, и что встречать меня будут с телегой, запряженной лошадей, – это, кстати, отличительный знак, что встречают именно меня (так бабушка наказывала), узнав все это, я первым делом потребовала от мамы разработать план моего возвращения на случай непредвиденных обстоятельств, и приготовление пирожков пошло куда с большим удовольствием – я их съем в ожидании вечернего поезда на Москву, если меня никто не встретит.

Понюхав корзинку с пирожками и совершенно от этого успокоившись, я села на поваленное дерево, отполированное многими до меня здесь сидящими в ожидании поезда одинокими детьми, и съела первый пирожок. Начинка получилась кисловатой, но в принципе – слишком даже вкусные пирожки для бабушки, назвавшей свою внучку именем тропического паука.

Тут я вспомнила папочку. Когда мама провалилась ступней в слив унитаза, я сказала, что наступило, вероятно, время просить помощи у кого-нибудь близкого и родного, и мама дала телефон папочки, и он сразу же примчался – через каких-то сорок минут, а мама к тому

времени уже так задергала свою ногу, что щиколотка опухла, поэтому я поставила ей табуретку, а на табуретку еще подложила несколько книг, чтобы повыше было и сидеть удобно. И ворвавшийся в квартиру высокий темноволосый красавец с запахом пудры, с подведенными черным бровями и накрашенными ресницами стал тут же кричать на маму, потому что, оказывается, она сидела на какой-то важной книге, которую папочка не забрал только потому, что обещал своей матери не появляться на глаза бывшей жене, а книга эта очень редкая. Он кричал: «Раритет! Раритет в туалете!» и, конечно же, довел маму до истерики, и она, встав, стала рвать из раритета листы, комкать и бросать их в папочку, а он бегал из туалета в кухню и обратно и сшибал на пол наш чайный сервиз – поочередно чашки, блюдца, молочник, – а потом присел передо мной в коридоре и сказал: «Прости папочку, котенок, папочка ушел с важного спектакля, подвел всю труппу, а тут эта дура затащила в туалет очень ценную книгу, а папочка тебя любит, и лучше я уйду, пока не утопил ее в этом чертовом унитазе». И ушел. И я даже не успела сказать, что с утоплением ничего не выйдет, потому что нога мамы уже так опухла, что совершенно заткнула собой слив. Я позвонила в Службу спасения и вылила на ногу мамы полбутылки подсолнечного масла, что прибывшие через каких-то пять минут спасатели назвали «умным шагом». С тех пор я зову его только папочкой. В разговорах с мамой. В обсуждениях с одноклассниками его фотографий в журнале «Театр».

Второй пирожок я макала в икорно-горбушное масло, и, надо сказать, сочетание сладкого теста, кисловатых яблок и легкой солености просто восхитило меня. Впрочем, мое восхищение – это еще не показатель, я люблю есть соленые огурцы с пряниками...

Из здания станции вышла женщина. Размахнувшись, она вылила на траву грязную воду из ведра и по-домашнему повесила сохнуть большую серую тряпку на ветку дерева. Вытерла руки о подол синего халата, после чего поправила на голове косынку, завязанную сзади на затылке, и пошла ко мне. Сейчас спросит, как меня зовут.

– И чего ты тут кушаешь? – поинтересовалась она.

– Пирожки с яблоками.

– Пирожки-и-и-и она кушает! – запела женщина радостно. – И что ж без чаю? Пойдем, я тебе чаю налью!

– Спасибо, я их с маслом ем. – Приоткрыв салфетки, я показала на обвязанный горшочек. И тут же добавила, подумав, что до вечера еще далеко – вдруг телега дотащится сюда: – Это, вообще-то, бабушке, меня бабушка ждет в Загибайловке.

– Вы только гляньте! – восхитилась женщина. – И масло у ней в корзинке, и пирожки! И откуда же ты, Красная Шапочка?

Я чуть не подавилась. Потрогала на голове связанную крючком хлопчатобумажную круглую шапочку. Красного цвета. Что моя мама умеет, так это вязать крючком. Она крючком может связать любую игрушку, я их всех люблю – и орангутанга, и тигра, и верблюда, вот шапочку мне связала, чтобы волосы не растрепывались на ветру.

– И что ж тебя не встретили? – присела женщина рядом.

– Вот... Не встретили.

– Так ты, верно, к Кольцовым в Загниваловку приехала?

Я копаюсь в кармане платья, застегнутом булавкой. Вытаскиваю бумажку. Читаю.

– Нет. Не к Кольцовым. К Руте Даниловне Воськиной.

– Ах, эта... – Женщина чуть отстранилась, чтобы оглядеть меня всю, и подняла выпавшие из кармана деньги. – Есть платок?

– Есть. В другом кармане.

– Давай. Деньги лучше завернуть в платок, тогда случайно не вывалятся. Вот так. А карман потом застегнуть булавкой, это правильно. Да что это я... Бабушка тебя быстро жизни научит. В гости приехала, или горе какое?

– В гости.

– Это я так спросила. Твоя бабушка, верно, этим летом собирает урожай детей, – заметила она непонятно, потом улыбнулась: – А кто пирожки такие душистые испек?

– Я испекла. У мамы тесто дрожжевое не получилось, я сделала из творога.

– А из творога оно и побыстрей, и повкусней будет, – поддержала меня женщина, – особенно когда творожок подсох, устарился.

– Точно! – кивнула я. – Утощайтесь.

– Ну, Красная Шапочка, что тебе скажу сейчас. Если уж ты такие пирожки сама сотворила, тебе и горе – не беда. – Женщина заботливо укутала пирожки в корзинке, не взяв ни одного. – Поэтому ты вот так сейчас пойдешь этой тропкой, нигде не сворачивая, и выйдешь к пруду со старыми ивами. Поглядишь через пруд и увидишь эту самую Загниваловку как на ладони. Крайний к лесу дом с красной черепицей тебе и нужен. Идти-то всего километра три, не больше. Дорогой шоссейной будут все шесть, да у нас тут дороги глухоманные, лихачи которые попадают, могут и задавить. А лесом – тихо и красиво получится.

– А она жива? – спросила я на всякий случай.

– Бабка твоя? Да она нас всех переживет.

– А у нее есть лошадь?

– У Воськиных чего только нет: и лошадь, и корова, и «Мерседес».

– А почему же меня не встретили?

– Я так думаю, – доверительно заметила женщина, – что тут все предусмотрено.

– Как это?

– Ну как... Сидит где-нибудь твоя бабушка и подглядывает, что ты будешь делать: самостоятельная выросла или как.

– Как это – сидит? Как это – подглядывает? – Я на всякий случай вскочила и осмотрелась.

– Да ты ее в жизни не отыщешь. Она умеет прятаться. А если сомневаешься идти, тогда давай ко мне – чай пить. – Она кивнула на станцию.

Я пошла в лес по тропинке – только чтобы уйти побыстрей от странной женщины.

И вот я иду, иду, иду по светлому березовому лесу и чувствую себя ужасно глупо. Потому что я иду к бабушке. Несу ей горшочек масла и пирожки с яблоками, а на голове у меня красная шапочка, а я девочка – сказками особо не балованная, можно даже сказать, совсем не балованная – мама моя предпочитала на ночь мне читать вслух что-нибудь полезное из учебников по истории. Я даже толком не знаю, чем кончилась сказка о волке и девчонке в красной шапочке. После поглощения волком внучки я дальше читать не хотела. Волк, конечно, мог запросто лопнуть от обжорства, бабушка с внучкой вывалиться из его живота вполне невредимыми... но что-то мне подсказывало, что в сказке все окончится для волка плачевно. Мама говорила, что большинство русских народных сказок написаны исключительно в форме страшилок, и показывала рисунки. Например, огромная печь с трубой, которая едет по деревне сама собой и давит всех, кто попадет. Или гусь размером с взрослого страуса, который уносит маленького мальчика в рабство. О бабушках вообще отдельный разговор. Ужасно носатое изображение одной из них радостно скалилось у распахнутой горячей печи, в которую она собиралась засунуть упитанного младенца. Еще был котел с кипящим молоком, куда прыгал несчастный седой старик, – мама объяснила, что это сексуально озабоченный царь, который надеялся таким образом помолодеть.

– Помолодел? – изумилась я.

– Сварился! – торжествующе объявила мама и показала соответствующую строчку в книжке, где так и написано: «Прыгнул да и сварился!»

Что касается рисунков к сказке о Красной Шапочке, то там их было всего два. Вначале толстенькая румяная девочка идет по лесу с корзинкой, а в конце – огромный волк с разрезанным животом, из которого вместо кишок лезли люди. Точно помню – среди них была бабушка

в пенсне и несколько странных мужчин в шляпах с перышками. Я так и не знаю, кто эти мужчины, что они делали в доме у бабушки?..

Зато я знаю, что в XII веке рыцарь в полном вооружении весил 170 килограммов, а в XVI-м – уже все 220! Это, конечно, касается латных турнирных доспехов. До первого крестового похода рыцарские доспехи назывались броней, это была толстая льняная или кожаная рубаха с нашитыми сверху железными полосами.

Березы кончились. Начался непроходимый ельник.

И совсем мне не страшно идти через этот темнящий лес! Шлем рыцаря стоил тогда 6 коров, меч с ножнами – 7 коров, а копьё со щитом – 2 коровы! Пожалуй, лучше будет, если я пробегу вот этот страшный поворот с закрытыми глазами. Боевой конь стоил 12 коров, мне в пять лет это было очень смешно – какой-то там один конь стоит целых двенадцать коров, а ведь он не дает молока?! Хотя теперь-то я, конечно, понимаю, чего стоит хорошая лошадь. На хорошей лошади я бы промчалась по этой страшной тропинке за пять минут! Буцефал Александра Македонского был настоящим героем войны... Какая тяжелая и неудобная эта корзина, совершенно не приспособлена к бегу! Конь Инцитатус – сенатором по прихоти Калигулы... А жеребец Вильгельма Остия орловской породы по имени Ганс вообще умел складывать и вычитать... и даже... решать задачи с дробями, а моя учительница по математике... не верит, а он знал азбуку Морзе, стучал ее копытом, когда хотел назвать какую-нибудь букву. Все... Больше не могу.

Я свалилась было под ель у тропинки, но тут же выползла, вспомнив о клещах. Мама как-то уговорила меня пойти в поход, далеко мы не ушли, но переночевать у костра в лесу успели, а потом она обнаружила клеща у себя на левой ягодице. Запричитала и потребовала немедленно вернуться. Можно сказать, нам тогда повезло, потому что оказалось – мы вообще шли не в том направлении и уже давно заблудились. После того незабываемого похода я прочитала все о клещах и изучила, как правильно пользоваться картами. Клещи падают с хвойных деревьев... Я задрала голову вверх, чтобы прикинуть, сколько миллионов клещей может свалиться на меня с такой огромной ели, и вдруг услышала, как кто-то вскрикнул совсем рядом. Крик был похож на плач или на жалобу. От ужаса я опять бросилась к ели и странным образом за несколько секунд вскарабкалась на шесть сучьев вверх. Потом застряла. Звуки повторились. Взрослый человек хныкал где-то рядом, отчетливо слышались отдельные выкрики: «Не сейчас, только не сейчас!»

Я сидела метрах в двух от земли на ужасно неудобной еловой ветке, смотрела на оставленную внизу корзинку с пирожками и маслом и понимала, что даже если я заберусь на самую верхушку этой старой ели, любой, даже умственно отсталый маньяк сразу же вычислит по корзинке, где я спряталась. Делать нечего – придется спуститься и запрятать корзинку. Или бежать дальше что есть силы?..

– Ладно, птичка моя, давай свой договор. – Появившись в дверях, жених отстранил Ёрика с фотоаппаратом. – Мне позвонили, что самолет с шелком подлетает. Заодно и уточним некоторые детали личной жизни. Запомни этот момент – не я настаивал на договоре. Это была твоя идея. Запомнила?

Я неуверенно киваю.

– Вот и отлично. Ну что, подружка сердечная, обремененная ребенком с девяти лет, – обращается он к Авоське, и та многозначительно толкает меня коленкой: и камеры наблюдения есть, и прослушивание отличное! – Неси сию знаменательную бумагу. Читать будем.

– А-а-адвоката позвали? – испугалась такого напора Авоська.

– Для заверения документа нужен нотариус, – поправил ее жених. – Хотя, конечно, все свои сделки я обговариваю с юристом, но его звать не нужно, он – всегда рядом. Как? Вы не

знаете, кто у меня юрист и доверенное лицо? Прошу любить и жаловать! – К почти обморочному удивлению Авоськи жених подтолкнул на середину комнаты Ёрика.

– Так я и думала, – обреченно прошептала я, прошла в спальню, где висели пышными облачками свадебные платья, с трудом нашла в предпраздничном разорении свою сумку и достала листок бумаги.

– Ему! – показал жених пальцем, когда я протянула этот листок.

Пришлось развернуться и подойти к Ёрику.

– Так-так-так! – воодушевился тот и немедленно уселся в кресло, развалив ноги в стороны. – Что это мы имеем?.. Что мы имеем... Гамлет, ты должен это видеть, что мы имеем!

– Ознакомься и проанализируй. – Жених не горел желанием бежать и читать мой вариант брачного договора.

– Так тут, собственно, анализировать нечего. Ерунда какая-то написана. Два предложения. «Я, Нефила Доломеевна Воськина, 1979 года рождения, паспорт... серия, номер, согласна выйти замуж за... – здесь, обрати внимание, – пропуск! Это наводит на некоторые размышления, – хитро прищурился Ёрик. – На очень странные размышления это наводит – либо Нефила Доломеевна не знает, как тебя зовут, либо все современные школьницы к выпускному вечеру таскают у себя в портфелях подобные образчики брачных договоров – так, на всякий случай.

– Дальше! – потребовал жених.

– «...согласна выйти замуж... при соблюдении следующих условий. Первое. Моим мужем будут соблюдены все юридические формальности при удочерении ребенка – Тегенарии Воськиной, семи лет. – Ничего не понимаю! – Второе. Муж никогда не будет унижать меня и добиваться чего-либо с применением силы». Точка! Уважаемая невеста! Брачный договор предполагает подробное обсуждение финансовых сторон сотрудничества, владения имуществом, обязательств особого рода, а это! – Ёрик махнул рукой, словно собираясь отбросить мой листок, но, наткнувшись на взгляд жениха, не бросил, а просто пошелестел им. – Это не брачный договор, а не знаю что!

– Это все? – перебил его жених и нервно прошелся туда-сюда по комнате. Поправил тяжелые кисти на шторе, стрельнул глазами в сторону застывшей на диване Авоськи. – Если все – тогда давай знакомиться, Нефила Доломеевна!

– Гамлет, подожди, ты же не собираешься подписывать эту...

– Дай познакомиться, Ёрик! Ты что, не понял – невеста не знает даже, как меня зовут!

– Да это ладно, это ерунда, подумаешь, познакомитесь в загсе, даже интересно! Ты попроси ее объяснить, что здесь написано о каком-то ребенке! Девочки! – проникновенно обратился в сторону дивана Ёрик. – Что это за дочки у вас? Вы так своих тамагочей называете?

– Нет, – твердо ответила я. – Это настоящая девочка семи лет. Она очень симпатичная, хотя и избалована сильно, но это из-за сиротства, у нее нет папы...

– Она иногда матерится, курит и кусается, – решила сразу выложить все наболевшее Авоська.

– Гамлет, или я ничего не понимаю в этой жизни, или девчушки подобрали где-то на вокзале убогую сиротинушку и собираются тебе ее подсунуть на удочерение, – развеселился Ёрик. – Ты только прикинь, во что тебе обойдется подобный общественный идеализм! А я то никак не мог понять – почему эта маленькая красотка согласна выйти замуж за человека, один раз ею увиденного в детстве и даже, как теперь оказывается, совершенно незнакомого! Она даже имени твоего не знает!

– Я... Почему, я знаю... То есть я не знаю точно, я думаю, что тебя зовут Тимофей, хотя этот твой юрист... – я посмотрела на застывшего с открытым ртом Ёрика, – он зовет тебя Гамлетом, и если это твое имя, тогда, наверное, ты – армянин. – Пробормотав все это, с ужасом чувствуя, как мое лицо заливают краска, я закрыла его ладонями и придвинулась поближе к Авоське.

– Тимофей? – удивленно спросил Ёрик.

– Да. Тимоня – это же уменьшительное от Тимофея?.. Я так подумала тогда, в лесу...

Наступила тишина. Жених перестал ходить по комнате. Застыл в кресле юрист Еремей. И только в этот момент я поняла, что сотворила. Нет, я не собиралась хранить все в себе как вечную тайну. Между мужем и женой не должно быть тайн. Но Рута просила меня не говорить откровенно с мужем, пока... («Если, конечно, этот человек действительно станет твоим мужем! И ты захочешь, чтобы ваше дыхание было общим, и кровь, и сон! Вот тогда, когда это произойдет, когда дыхание, кровь и сон станут общими, тогда и расскажешь все, не раньше!»)

Первым не выдержал напряжения Ёрик.

– Гамлет, – громко предложил он. – Разберись с невестой. Что у вас вообще происходит? – повернулся ко мне и попросил убрать руки от лица. – Вот и умница, – одобрил он, когда Авоська силой убрала мои ладони. – Девочка, слушай меня. Его зовут...

– Меня зовут Гамлет Ван-Тейман, – вступил жених. – Тимоней меня называл только один человек. Один-единственный близкий друг детства. Ты же не можешь этого знать?! – закричал он вдруг.

Я прижалась к Авоське сильнее. Она обхватила меня руками и заявила:

– Крик является определенной формой унижения, в зависимости от обстоятельств! Учтите это на будущее.

В гостиную вошла женщина и доложила, что привезли коробку, просят проверить содержимое и расписаться.

– А вот и шелк прибыл! – вздохнул Ёрик.

– У вас осталось не больше двух часов, чтобы поорать как следует на всю оставшуюся супружескую жизнь! – продолжила Авоська. – Потому что если вы будете себе это позволять после загса, Нефила подаст на развод за унижения!

– Два часа? Еще два часа на то, чтобы обмотаться этой тряпкой?! – Гамлет посмотрел на часы и погладил меня по голове. – Девочки, пощадите – загс закроется, цветы завянут! Ёрик! Добавь в этот листок третий пункт о моем отношении к собственным детям и четвертый – о разделе имущества в случае моей смерти, и бегом в билльярдную: там нотариус шары катает.

– Гамлет, спешка в этом деле...

– Делай. То. Что. Я. Сказал, – медленно продекламировал Гамлет и потом голосом потеплей добавил: – Ты же слышал: кричать мне теперь никак нельзя, а ругаться... Я чувствую, скоро будет здесь кому ругаться и кусаться.

– Что это такое – о собственных детях?.. – решаю я выяснить, пока Авоська тащит меня почти волоком к спальне смотреть на шелк. – Что еще за случай смерти?..

А в спальне четверо девушек растянули по комнате полотно, сверкающее и переливающееся в их руках золотыми струями. Четыре метра. Это да. Но вот ширину я не оговорила. Не больше шестидесяти сантиметров в ширину оказалась мадагаскарская роскошь. Не больше шестидесяти...

– Я не желаю иметь от тебя собственных детей, по крайней мере в ближайшие двадцать лет, – сообщает мой жених, пока мы пробуем шелк на ощупь.

– Что ты будешь делать с этой лентой? – озаботилась Авоська.

– Почему не желаешь?

– Во-первых, я – отвратительный воспитатель и ужа-а-асный эгоист. Я хочу иметь твое прекрасное тело не изуродованным новой плотью.

– Можно просто обмотаться, а конец – закрепить на голове, – предлагает Авоська свой способ употребления шелка.

– А во-вторых?

– А во-вторых, у меня уже есть сын.

– Сын... Гамлета? – не сдержалась я от совершенно идиотского вопроса.

– Ему девять. Так что не одна ты мастерица сюрпризы устраивать перед свадьбой. Что будешь делать с этим грандиозным бантом? – кивнул мой жених на шелк. – Знаешь, что я думаю? Остайся в том, в чем сейчас. Нет, серьезно! Ты выглядишь просто великолепно. А эту ленту прикрепи сзади, пусть волочится за тобой по земле.

– Что, вот так – в лифе, трусах и чулках?..

– Мне нравится, – пожал плечами жених.

– Авангард на грани эпатажа, – вдруг поддержала его Авоська. – Только подумай, как ты будешь визжать от восторга, разглядывая свадебные фотографии через пятьдесят лет!

– А я тоже буду этой... Ван-Тейман? – осторожно поинтересовалась я, заматываясь в шелк. Как он нежен и приятен на ощупь – больше всего это похоже на прикосновение теплого тельца виноградины!

– Я уже давно не Ван, – отмахнулся жених. – Просто Тейман. А вообще стыдиться тебе нечего. Мой прапра-пра– и так далее – приехал в Россию с мастеровыми голландцами по приглашению Петра I. Девочки! – Он хлопнул в ладоши. – Ташите булавки, у вас десять минут, чтобы закрепить эту занавеску на невесте!

Через десять минут я напоминала профессионально упакованную в целлофан статуэтку. Я могла делать только маленькие шажки – хотя от колен некоторая часть шелковой обертки расходилась пышным веером – бедра облегались им плотно, вырисовывая контуры алых трусиков.

– Может, вообще разденешься под шелком наголо? – указала на это пятно Авоська.

– Нет. Труссы у меня в тон с туфлями и с губной помадой. Пусть просвечивают.

– Букет! – осторожно протянула я руку из пышных складок шелка, топорщившихся на плечах. Голова моя тоже была окружена подобием стоячего воротника, почти целиком закрывающего лицо – этакая вуаль снизу.

– Что это такое? – отшатнулся жених от протянутого Авоськой букета. – Это что – морские водоросли?!

Впервые за все время ожидания в этом длинном тревожном дне я заметила на его лице усталость и отвращение.

– Это декоративная капуста!

– Но она же... Она же зеленая!

– Я такое и заказывала! – Отобрав у Авоськи кипенную ажурную зелень всевозможных оттенков – от бледно-салатового до темно-изумрудного, – я становлюсь у зеркала, выбирая, в каком месте обертки лучше всего смотрится зеленое пятно.

– А что, здорово! – вдруг соглашается жених.

В зеркале я нахожу его глаза и внимательно отслеживаю малейший намек на издевку. И не нахожу. Восторг и удивление!

– А бриллианты куда? – почему-то шепотом спрашивает он и присаживается. – С этим шелком действительно они не в тему.

Осторожным сильным движением он приподнимает мою ступню и снимает туфлю.

– Правильно! – одобряю я. – Босиком. И чулки снять!

Гамлет, удерживая меня за ступню, наматывает на щиколотку ожерелье, надевает туфлю и возится с застежкой.

– Походи так, ладно? – пытается он заглянуть снизу в мое лицо. – Понимаешь, друзья не поймут, если на тебе не будет ни одного камушка. Их жены, конечно, на ногах такое не носят, так что... Подпиши. – Он встает и протягивает мою бумажку, в которой прибавилось несколько строк.

Я с готовностью беру ручку. В перчатке ручка кажется незнакомым предметом. Снять перчатку? А куда тогда деть букет?..

– В случае моей смерти ты получаешь одну треть от всего зарегистрированного имущества и вкладов. По одной трети уйдет на опекунские счета детей.

– Детей?..

– У тебя – дочка. – Гамлет разворачивает меня к камину, на его столешнице удобнее всего писать стоя. – У меня – сын. Дети требуют – чего?..

– Внимания и любви! – Я подписываюсь два раза там, где он указывает пальцем.

– Неправильно.

– Заботы и понимания?

– Нет. Дети требуют денег. Сначала – денег!

– Здесь написано, что я не должна рожать детей в течение двадцати лет совместной жизни.

– Первых двадцати лет! – поправляет меня жених.

– Да какая разница? Мне тогда уже будет тридцать семь! Кто же рождает в тридцать семь?

– Вот именно! Как хорошо все устроилось, ты только подумай: рожать не надо, кормить грудью не надо! Подгузники-пеленки, слюнявчики – все в прошлом! У нас уже двое детей – тебе будет чем заняться в ближайшие двадцать лет. А потом сама подумаешь, захочешь ли ты еще раз поиграть в такое.

– А где этот мальчик? Где твой сын?

– Этот жлоб пока что очень занят. Подтачивает здоровье тещи. Мать жены решила заняться его воспитанием после смерти дочери. Сегодня познакомишься. Кстати! Почему ты не захотела, чтобы я представился заранее твоей матери? Проблемы?

– Сегодня познакомишься...

– Ты не могла слышать, как кто-то называл меня Тимоней, – вдруг, не меняя интонации, буднично сказал жених. – Меня так называл только один человек на свете. Он давно умер.

– Поговорим потом.

– Когда потом?

– Когда у нас станут общими дыхание, кровь и сон.

– Ага... То есть сегодня ночью? – уточнил он.

Когда я впервые увидела своего жениха в лесу у загниваловского пруда, он бегал вокруг большой машины, выкрикивал ругательства и умоляющим голосом просил: «Не умирай, придурок, иначе я сам тебя убью, клянусь – я тебя убью!..»

Спустившись с ели, я пошла на звуки его голоса и, продравшись сквозь кустарник, обнаружила застрявшую на проселочной дороге машину и мужчину, бегающего вокруг нее.

Стало не так страшно. Похоже, этому человеку было совершенно не до заблудившихся в лесу девочек. Из машины кто-то звал его слабым голосом. «Заткнись, Тимоня... Вытащи меня отсюда...» Бегающий человек закричал: «Ты не можешь так со мной поступить!» А человек в машине ответил: «Тимоня, если я подохну, это подохнет вместе со мной».

Тот, кто бегал, снял пиджак, бросил его на траву и стал вытаскивать из машины что-то тяжелое. Я видела его со спины, поэтому не сразу разглядела, что это было. Только когда он отошел, я чуть не закричала от страха: головой на пиджаке лежал другой мужчина, держась руками за живот, и его рубашка была красной от горла до пояса брюк.

Я начала потихоньку отползать задом в кусты, стараясь не упускать из виду бегающего человека. Теперь он толкал машину сзади, громко тужась. Машина содрогалась, но ее заднее колесо не вылезало из глубокой грязной впадины.

Все это время мужчина на траве безостановочно что-то бормотал, стараясь привлечь внимание того, кто толкал машину. Он говорил странные вещи: «...мне кажется, что меня положат в колыбель, нет, не в колыбель... Я маленький лежал в корзине, есть даже такая фотография. Какие странные мысли лезут в голову! Колыбель качается над полом, мягкая и теплая...»

Тимоня, мне снился сон, что меня, вот такого, как я сейчас, качают в колыбели, а колыбель – корзина плетеная, а я запеленатый как мумия, не могу пошевелиться, и смешно все... Вчера снилось?... Или позавчера? Ты не подумай, как только меня осмотрит врач, ты сразу все узнаешь, ты только не бросай меня...»

Находясь в странном ступоре, я совершенно не разглядела лица этих мужчин, зато кружевным клеймом на всю жизнь впечаталась в память поблескивающая на ветке паутина – у самого моего лица – и крошечный цветок земляники сквозь нее. Бегающий мужчина перестал дергать машину и вдруг появился совсем рядом с большим пистолетом в руке. Я не успела ни дернуться, ни вскрикнуть – он поднял руку вверх и пальнул. Это была ракетница. Красный огонек в небе был сразу же обесцвечен солнцем и уныло затух где-то у земли печальным облачком.

– Я должен пойти за помощью, – отчаялся человек с ракетницей. Он вытащил из машины небольшую подушку и предложил лежащему на земле «заткнуть дыру в животе, сильно прижать и так держать». Пока он не вернется.

– Если ты бросишь меня здесь, – еле ворочал языком лежащий, – то никогда не найдешь...

– Я тебя вытащу!

– Если ты меня... – У лежащего пошла изо рта кровь.

Тот, кого он называл Тимоней, обхватил голову руками и сел рядом.

В паутину у моего лица попало странное насекомое с зелеными прозрачными крыльшками. Оно дергало длинным изящным тельцем. И тут же показался небольшой паук. Он был намного меньше, сначала боялся подбираться близко – мне показалось, что он на расстоянии в нетерпении перебирает лапками, а потом вдруг я поняла, что паук определенным образом дергает ниточки паутины, закрепляя зеленую добычу понадежней. Я услышала булькающий звук изо рта лежащего мужчины. Паук уже так замотал свои паутинки, что зеленые крылья больше не трепыхались, тельце слабело. Когда он убедился, что добыча хорошо упакована, он в два наскока оказался рядом и укусил кончик содрогающегося брюшка. Человек на траве задышал шумно и часто, а его друг рядом завыл тихонько, кусая кулак. Я еле успевала переводить взгляд – паутина была совсем рядом у лица, а вдаль – двое мужчин на траве. Паутина – мужчины – близко – далеко... У меня заболела голова и онемели ноги ниже колен: я сидела, подложив их под себя и скорчившись. Когда насекомое в паутине перестало дергаться, я странным и чужим для себя чувством поняла, что мужчина на траве умер. Его друг, отвернувшись, провел грязной ладонью по лицу умершего – этот жест показался мне странным и даже неприятным. Но потом я поняла, что он опускал веки на широко открытые глаза. Потом мужчина встал, залез в машину, так что мне был виден только его зад. Он достал плед и большую прямоугольную бутылку. Укрыв умершего пледом, мужчина приложился к бутылке и так долго глотал, содрогая кадык под запрокинутым подбородком, что я подумала – не утопиться ли он задумал таким образом?

Я подумала – утопиться, потому что моя мама как-то пила боржоми из бутылки – она тоже стояла, запрокинув голову, а потом вдруг стала захлебываться. В горле у нее забулькало, я испугалась, потому что она не убрала бутылку, а продолжала заливать боржоми в горло. Я бросилась к киоску, в котором мы эту бутылку только что купили. Я просила киоскера позвонить в Службу спасения. Он выглянул из крошечного окошка, вышел, не спеша подошел к захлебывающейся и уже опустившейся на колени маме и, размахнувшись, стукнул ее ладонью по спине. Мама выронила бутылку и упала ладонями на асфальт, выливая из себя боржоми. Когда она смогла встать и мы опять влились в праздничное шествие с разноцветными шарами и цветами, я спросила, что это с нею случилось? Почему она не убрала бутылку? «Сегодня день рождения твоего папы, – объяснила мама. – Наверное, я хотела утопиться. Не обращай внимания, это на подсознании».

– Счастливого пути тебе! – сказал мужчина, почти опорожнив бутылку. Он не собирался топиться от горя, а просто выпил для храбрости. После напутствия мужчина на коленях подполз к телу друга и вдруг стал обшаривать его с дотошной тщательностью. Он вытащил из-под него пиджак, вывернул карманы, переверолошил волосы на голове, снял часы, отковырял их заднюю крышку и разочарованно закинул потом в кусты. Башмаки подверглись настоящему распарыванию – коротким широким ножом удалось отрезать даже подошву. Были осмотрены носки, ошупано все тело – для этого мужчина его переворачивал несколько раз, а я застывала от ужаса и нереальности происходящего.

Окровавленная подушка с живота тоже была вся ошупана и осмотрена – сантиметр за сантиметром, после чего мужчина с надрывом поинтересовался: «Почему ты так со мной поступаешь?!», бросился к автомобилю, и в его руках оказался странный предмет на металлическом стержне. В правое ухо он вставил небольшую пуговку, от которой отходил проводок к стержню, и стал водить этой штукой над телом, а потом еще долго ковырялся с нею в автомобиле, выбрасывая наружу после очередного писка зажигалку, связку ключей, отвертку и еще что-то – не разглядеть, потому что кое-что он бросал в противоположную от меня сторону. После возмущенного и отчаянного рыка в траву полетел и сам прибор – я проследила, как над ним взлетели две потревоженные бабочки и еще долго успокаивали друг друга танцами в воздухе и осторожными прикосновениями.

«Этого не может быть!», – подвел итог мужчина. Полил себе на лицо из пластиковой бутылки, кое-как обтерся низом рубашки, выпачкав ее окровавленными руками.

К этому моменту он уже стал пошатываться. Глаза его иногда вдруг начинали с недоумением и растерянностью осматривать что-то поверх деревьев – вероятно, в поиске некой потусторонней силы, наблюдающей за ним сверху и вот-вот уже собирающейся хлопнуть в ладоши, чтобы закончить этот кошмар и объявить перерыв и смену декораций.

«Кто тут?!» – вдруг крикнул мужчина, свирепо озираясь и дергая что-то у себя за спиной.

А ноги мои уже затекли до болезненной пульсации, я, как могла, сдерживала дыхание, и его крик привел меня в настоящий ужас – недостаточно сдерживала! Я перевалилась на бок, растирая икры руками и уже мало заботясь о создаваемом шуме. Потому что пора было бежать очень быстро и очень далеко: мужчина наконец выдернул пистолет и стал палить из него в моем направлении – к счастью, достаточно высоко.

Сначала я выползла из кустов на четвереньках, а на дороге встала и побежала, совершенно не соображая куда и ничего не видя перед собой.

Через несколько минут я устала и так исхлестала себе лицо ветками, что больно было дотронуться. Вот тут, замедлив бег и кое-как восстановив дыхание, я обнаружила, что он бежит за мной! Он делал по шагу на каждый мой удар сердца, и мне казалось, что если сердце остановится – мужчина потеряет ритм, собьется и заблудится, и я стиснула руки под левым соском, уговаривая сердце остановиться. Шаги остановились. Вглядываясь между ветками, я видела то рогатое чудовище с красными окровавленными клыками, то желтую поросычью морду – это солнце играло среди густых деревьев, цепляясь иногда лучами за паутинки между ветками и причудливо изменяя пространство. Я убрала руки от груди, и шаги тут же двинулись ко мне – спокойно и медленно.

«Ау!» – крикнул он совсем рядом наигранно бодрим голосом.

Я стала уходить, прислушиваясь к звукам и стараясь не бежать. Будем изображать гуляющих вдвоем грибников! Потеряв в других шумах его шаги, вероятно, от полного отчаяния, я тоже один раз неуверенно аукнула. И тут он вышел на меня спереди – он оказался так близко, что я услышала запах алкоголя.

Почему я тогда подумала о Чингисхане? Татарского в нем не было ни капельки – аскетическое удлинненное лицо, отдельные черты я не разглядывала, только много позже, в полубреду, я вдруг до мельчайших подробностей вспомнила его тонкие усы, соединяющиеся опу-

стившимися полосками с крошечной щеточкой бороды. А тогда, в лесу, я вдруг вспомнила хана Темучина, называвшего себя Океан-хан, его огромное войско – тридцать тысяч всадников и почти сто тысяч лошадей. На гравюрах Океан-хан был изображен с такой же странно выбритой бородкой – тонкие черные линии вокруг сочного рта соединяют изящные усы с крошечной бородкой.

– Девочка?.. Ты вот что... Ты ничего не бойся, хотя, конечно, мы в лесу, а у тебя на голове... Короче – Красная Шапочка, я тебя съем! Ну вот, испугалась. Иди сюда, я не ем девочек. И знаешь что... хватит бегать, меня это утомляет. – Покачнувшись, он протянул ко мне обе руки. – Вот и умница, – похвалил он, когда я, поколебавшись, подошла поближе. – Девочка! – Он наклонился и обшарил мое лицо глазами. В них было столько печали, что мой страх совершенно испарился. – Девочка, открой рот.

Я приоткрыла рот, а потом, когда он стал вглядываться туда с тупым упорством, поклялась зубами и высунула язык.

– Молодец! – опять похвалил он и погладил меня по голове, сдвинув на глаза вязаную шапочку. – Это гениально, понимаешь? Я все осмотрел, а рот... Как тебя зовут?

Я молчала.

– Не хочешь говорить – не надо.

– Нефила, – решила я.

– Редкое имя. – Он скорчил уважительную гримасу и покачал головой. – Такое имя надо записать. Не ровен час – забуду...

Порывшись в карманах, он с сожалением развел руками и отчаянно спросил:

– Нефила, вы будете моей женой? В смысле, не в данный момент, конечно, а когда вырастете?

– Буду. – Я пожала плечами.

– Хорошая девочка. Нефила, вы прекрасны! – Он вдруг рухнул мне под ноги, обхватив колени. – Выходите за меня замуж, умоляю!

– Хорошо-хорошо. – Чтобы успокоить, я погладила его затылок и уточнила: – Только мне нужно закончить школу.

– Де-ва-а-ач-ка! – помотал головой мужчина. – А сколько тебе лет?

– Десять. Мне недавно исполнилось десять, несколько дней назад, а сегодня утром мама меня разбудила и сказала, что...

– Десять лет! – не слышит он меня. – А вот интересно, если тебя попросить в десять лет остаться к свадьбе девственницей?.. А?

– Что – а?

– Нет, ничего... Это я фантазирую.

Он кое-как встал на ноги и предложил закрепить наш договор поцелуем.

– Вы очень грязный, – покачала я головой. – Вы весь в засохшей крови.

– Действительно, извини... Ты меня не боишься? Ни капельки? Тогда иди на ручки. Понимаешь, какая штука... – Он бережно взял меня под мышки, прижал к себе и посадил на сгиб руки. – Кто-то шуршал в кустах, я побежал, а когда тебя увидел, вдруг понял, где надо искать. Надо было всего лишь заглянуть в рот! Ты очень красива. Ты мне веришь?

Я подумала, посмотрела в его глаза и кивнула.

– Куда ты идешь? – озаботился мой жених.

– К бабушке, – честно ответила я.

– Ну конечно! К бабушке... Ты знаешь, не стоит. Не стоит... Ее все равно съест волк. А-а-ам! – Он разинул рот и громко щелкнул зубами. – А где живет твоя бабушка?

Я огляделась и созналась, что теперь совсем не знаю, где она живет.

– А я про что! – поддержал меня суженый. – Мы заблудились! Знаешь, что делают заблудившиеся в лесу туристы?

После нашего с мамой трагического похода для меня это был не вопрос.

– Нужно залезть на верхушку самого высокого дерева и осмотреться!

Похоже, он не ожидал такого рвения, но самой высокой поблизости оказалась ель, на нее я лезть категорически отказалась, описав ему, что бывает с человеком после укуса энцефалитного клеща. На некоторое время мужчина с бородкой Темучина впал в ступор, с удивлением отслеживая каждое мое слово по губам, – вероятно, это с ним случилось от подробного описания синдромов частичного паралича у укушенного клещом человека. Но потом кое-как понял, чего я хочу, и подсадил меня высоко на сучья старого дуба.

Очень высоко лезть не пришлось. Слева я увидела между веток краснеющую вдали черепичную крышу, а справа – поворот той самой дороги, у которой застрял его автомобиль.

Если нет компаса, нужно идти по намеченному направлению по солнцу или по выросшему на коре деревьев мху. Но гораздо проще оказалось идти по следам нашего пробега – поломанные ветки, глубокие следы в мокрой черной земле у корней деревьев и даже несколько пуговиц от его рубашки по ходу продвижения. Через двадцать минут мы оказались у кустов, из которых я подглядывала. Мужчина остановился первый и застыл, разглядывая мою корзинку, прикрытую лопухом. Он даже остановил меня, больше удивленный, чем испуганный, и сообщил, что недалеко в траве валяется металлоискатель и лучше не трогать незнакомые предметы в лесу, пока не убедишься...

– Это моя корзинка! – обрадовалась я. – Там пирожки с яблоками и рыбное масло!

– Рыбное... масло? – уточнил он, и его вырвало.

– Меня тошнит! – заявила я в лимузине.

– А чего ты хочешь? Останавливаемся через каждые двести метров – час пик! – зевнул на это Ёрик. – Еще бы час провозились, нужно было бы менять лимузин на «Жигули». – Он затряс расслабленным животом, упиваясь собственным остроумием.

– А мою маму везут? За ней послали такси? – Меня почему-то зазнобило.

– За ней послали «Мерседес» с цветами, за кого ты нас принимаешь? – оскорбился Ёрик.

Мы с Авоськой только грустно посмотрели друг на друга.

– Она не сядет в «Мерседес», да еще если он украшен цветами! – вздохнула я.

– На этот случай твою маму занесут в автомобиль на руках. Да, я не сказал? Сначала, перед посадкой в машину, ей сделают подарок.

– Ну, тогда все! – Я с тоской подумала об электрошокере, который мама последнее время всегда носила с собой в сумочке. «Представляешь! – с возмущением объясняла она это приобретение. – Какой-то извращенец предложил мне на улице золотые часы! Мадам, сказал, возьмите это в подарок, а мне субсидируйте пару сотен на сегодняшний вечер! – и предложил обмыть нашу сделку в машине!»

– Еремей Срулевич... – начала Авоська.

– Только не сейчас! – подпрыгнула я. – Меня укачивает, а тут еще вы начнете ругаться!

– Я просто хотела спросить: вы всегда так халатно относитесь к данным вам поручениям?

– Ты у меня дождешься! – погрозил Еремей пальцем.

– Мама! – закричала я, стуча в тонированное стекло.

Моя мама с совершенно отрешенным видом стояла между двух огромных мужчин в строгих костюмах. Одного из них я уже видела – это он с невозмутимостью тяжелоатлета держал сотню роз. Сейчас, обхватив двумя пальцами мамину руку чуть выше локтя, он медленно и мощно двигал челюстями, словно зажевал сразу всю пачку жвачки вместе с оберткой.

Не дожидаясь, пока кто-то из сопровождающих нас с Авоськой четверых мужчин выйдет и откроет дверцу невесте, я выскочила из лимузина и побежала короткими шажками, семена на высоких каблуках.

– Нетка?.. – покачнулась было моя мама, но огромные пальцы сжались сильнее и держали ее. – Что случилось? Кто эти люди?

– Добро пожаловать на свадьбу, – подошел мой жених. Он ехал в другой машине и добрался раньше. – Разрешите представиться: Гамлет.

– Очень смешно, – съезжилась мама. – Пусть он отпустит мою руку, или я закричу, – доверительно прошептала она жениху.

Пальцы разжались. Охранник, не переставая двигать челюстями, что-то прошептал Гамлету и отошел.

– Извините за недоразумение, – бесцветным голосом продолжил знакомство жених, – но мы не предполагали встретить подобную агрессию в момент приглашения на свадьбу дочери.

– Свадьбу? – Мама отступила и внимательно оглядела меня. Остановив взгляд на шиколотке в бриллиантах, она подняла глаза с таким выражением, что я на всякий случай шагнула за спину Гамлета.

– Мама, это тот самый мужчина, которому я обещала выйти замуж семь лет назад, это он!

– А-а-а?.. – Она опять покачнулась, теперь ее поддержал под локоть другой охранник.

– Не волнуйся, пожалуйста, он подписал брачный договор, по которому обязуется содержать Нару. Все в порядке!

Подошли Ёрик и Авоська. Авоська тут же шепнула:

– Старайся ходить медленней, а то ты похожа на подстреленную в задницу японку!

– Агелена! – с надеждой бросилась к ней мама. – Что тут происходит?

– Да все в порядке, – отмахнулась Авоська. – Посттравматический синдром несостоявшегося изнасилования вылился у вашей дочери в маниакально доверительное отношение к человеку, встретившемуся ей в лесу в десятилетнем возрасте. А чего вы ожидали? Воспитание в неполной семье, отсутствие мужчины как примера поведенческого и физиологического...

– Заткнись! – толкнула я ее плечом.

– Изнасилование?! – единственное, что поняла из слов Авоськи мама.

– Разрешите, я все объясню, – взял ее руку Гамлет и осторожно приложил к губам. – Семь лет назад я предложил вашей дочери руку и сердце. Она согласилась с условием, что сначала закончит школу. На выпускном я напомнил ей о выданном обещании, сегодня у нас свадьба. Я обязуюсь любить вашу дочь и оберегать ее от неприятностей.

– То есть эти люди, которые... – Мама махнула рукой и закрыла глаза.

– Да, это двое моих людей, которые поехали за вами, чтобы привезти на свадьбу дочери.

– А я... Извините, я не знала. Я одного молодого человека... Понимаете. – Мама понизила голос и кивнула в сторону отошедшего охранника: – Ему надо к врачу.

Гамлет повернулся, осмотрел охранника, пожал плечами и успокоил ее:

– Не думаю.

– Видите, он все время двигает челюстями? Я его ткнула электрошокером вот сюда, под подбородок.

Гамлет несколько секунд внимательно всматривается в честные глаза мамы, потом спрашивает:

– Зачем?

– Он схватил меня за шею!

– Мама! – простонала я. – На тебя надевали жемчуг!

– Во-первых, никто не предупредил меня, что собирается что-то надевать на шею! – повысила голос мама. – А во-вторых – жемчуг мне не идет! И раз уж мы об этом заговорили – мне идут только изумруды! Изумруд – мой любимый камень, он подходит к цвету глаз!

– Извините, – кивнул Гамлет. – Это моя вина. Я приказал своим людям надеть на вас подарок, усадить в автомобиль и привезти к загсу. Ваша дочь настаивала, чтобы до свадьбы мы с вами не виделись. Если бы я познакомился как полагается – заранее...

– Не начинай! – перебила я. – Когда это заранее? Вчера или позавчера?

– Хорошо! – сдался Гамлет. – Просто подчеркните в каталоге любое изделие из изумрудов, которое вам понравится! – Он склонился ко мне и тихо спросил: – Как зовут твою маму, я уже могу это узнать?

– Марина Семеновна.

– Можно просто – Марина! Какие еще каталоги? – Мама вздернула голову и переключила внимание на меня.

Первым делом она осмотрела мой наряд.

– Пока ты не начала ругаться, я должна тебе объяснить, что на мне надето! – успела я до того, как она открыла в возмущении рот.

– Девочки. – Гамлет взял нас обеих под руки. – Объяснитесь по дороге, умоляю!

– И что же это на тебе надето? – Мама старается из-за жениха рассмотреть меня получше.

Гамлет соединяет перед собой наши локти и отходит.

– Ты знаешь, какой паук плетет самые прочные сети?

– Паук?..

– Да, паук! Самые прочные сети плетет паук по имени Нефила!

– Неточка, прошу тебя, не начинай...

– Это на другую тему! Из сетей Нефила не может выбраться даже небольшая птица!

– Ну и ладно, ну и хорошо, – гладит мама мою руку.

– Конечно, хорошо! Знаешь, где живет Нефила? На Мадагаскаре. А знаешь, зачем ходят в лес мадагаскарские женщины?

– Ну, зачем?.. За бананами, наверное?..

– Нет.

– За грибами, за червями... я не знаю!

– Они ходят в лес за пауками! Очень бережно собирают много-много нефил в корзины и несут их домой.

Моя мама закрыла глаза и содрогнулась.

– Если хочешь, – она сильнее сжала мне руку, – мы сейчас с тобой разорвем у колен эту идиотскую обертку, из-за которой ты семенишь, как подбитая утка, скинем туфли и побежим что есть мочи к метро. А?..

– Ты не поняла. Они приносят их домой и вытаскивают из пауков нити паутины! Это прочные золотистые нити, из которых они ткут ленты, переливающиеся на солнце. А пауков потом опять относят в лес на прежнее место.

– Прекрасно. – Мама оглядывается. – Жаль, электрошокер у меня отобрали...

– Это очень дорогой шелк! Его только два часа тому назад доставили самолетом. Посмотри, какой способ плетения! Я потому и не известила тебя заранее о свадьбе, что шелк могли не достать – все-таки четыре метра...

Мама остановилась. Еще раз осмотрела меня.

– Ты хочешь сказать, что это?..

– Точно. На мне надета паутина мадагаскарской нефилы!

– А что это за подозрительное пятно под паутиной? Мне кажется или это в самом деле – красные трусы?!

– Точно.

– Детка моя бедная! – обхватила меня мама. – Мы в суд подадим! Не беспокойся. Если тебя привезли сюда под принуждением, не сопротивляйся, улочи минутку...

– Мама! – трясу я ее. – Это тот самый мужчина! Неужели ты не помнишь? Я рассказывала тебе, когда вернулась из Загниваловки! Вспомни – пирожки с яблоками, рыбное масло в горшочке! Ну?

– Ты меня пугаешь! Ты мне что-то рассказывала про Красную Шапочку и волка, при чем здесь свадьба?

– Вы мнете дорогой мадагаскарский шелк, – присоединилась к нам Авоська.

– Агелена, ты знала? – набросилась на нее мама.

– Я до последней минуты надеялась, что Нефила струсит. Да куда там! Вы что – не видите? Ваша дочь влюблена!

– Как это – влюблена? – хватается за голову мама. – В кого? Когда она успела?..

– Семь лет уже, – вздыхает Авоська.

– И Марго знала? – подозрительно щурится мама.

– Да, – кивает Авоська. – Мама пыталась помочь Нефиле. Профессионально. Ну, вы же ее знаете...

– А отец? Он знал?!

– Ну, вы уж скажете, – усмехается Авоська.

– Да! Ты говори, да не заговаривайся, – поддержала ее я. – Папочка только год как приобрел устойчивое психологическое равновесие, до этого его нельзя было нервировать.

– Психологическое равновесие? – подозрительно прищурилась мама. – И как его зовут?

– Кого? – опешила я.

– Это самое равновесие?!

Авоська только грустно усмехнулась:

– Вас не обманешь. Это пациентка мамы. Ей сорок семь.

– Не хочу ничего о нем знать! – вспомнила мама свой зарок. – Агелена! – Она посмотрела строго, хотя строгие взгляды получаются плохо, когда приходится задирать голову вверх. – Ты же сестра Нетке, ты выросла в среде постоянного обсуждения сексуальных отклонений! Почему ты ее не отговорила?

– Включи свои мозги и прекрати орать! – дернула я маму, развернув ее к себе. – Включила? Семь лет назад ты разбудила меня в шесть утра и заставила печь пирожки, помнишь?

– Да, но я не хотела...

– Если бы ты могла хорошо готовить, ничего бы не было! Твой инфантилизм и страх перед Руткой привел к этой свадьбе.

– Мы еще сделали селедочное масло! – обрадованно добавила мама. – Что ты говорила? Извини, я прослушала. Мы сделали масло с вареной горбушей и красной икрой, представляешь? – объяснила она Авоське.

Авоська смотрит на меня и делает большие глаза.

– Извини. – Я обнимаю маму и глажу ее по спине. – Я очень устала. Я иду в загс, потому что уже семь лет представляю всякие неприличные вещи, которые мы делаем с моим женихом. Надо этому положить конец.

– Убить? – вдруг шепотом предлагает моя мама. – Подать на него в суд?..

– Нет. Сделать наконец все эти неприличные вещи в реальности и устроить Нару. Где она, кстати?

– Марго обещала привезти. Да вот они, стоят у дверей.

И я сразу увидела стильную высокую Марго и девочку рядом с нею – в пышном розовом платье и туфельках с бантами.

– Ты потрясающе выглядишь! – воскликнула Марго, сразу же бросившаяся мять пальцами шелк.

– У тебя трусы светятся, как красный светофор, – одобрила и Нара. Подумала и добавила: – Через натянутый презерватив.

– Мы же договорились, что ты будешь держать рот закрытым! – простонала Марго, не переставая меня ощупывать и остановившись глазами на украшенной щиколотке. – Вы только

послушайте! – прошептала она, пораженная, не в силах отвести глаз от ожерелья на моей ноге. – Светофор, на который натянут презерватив!..

– А зачем тогда ко мне подвели поздороваться этого огрызка в разорванном сзади пиджаке? – Нара ткнула пальцем в толпу. Марго, не глядя, шлепнула ее по руке.

Я оглянулась и сразу заметила мальчика во фраке, с черной бабочкой на ослепительно белой рубашке и с тщательно прилизанными волосами. Он смотрел на меня, криво усмехаясь. Он был совершенной копией своего отца, только уменьшенной и оттого устрашающе комичной, и по спине у меня пробежала первая дождинка будущих ливней ужаса, которые этот юноша еще призовет на мою голову.

В загсе Ёрик отвел Гамлета в комнату отдыха, застопорил ручку двери стулом и просил еще раз как следует подумать.

– Сейчас самое удобное время отказаться от этой нелепой затеи, – уговаривал он. – Мамаша невесты вся трясется от негодования, покажи ей, какой ты плохой мальчик, – они с дочкой убегут отсюда не оглядываясь и всю жизнь потом будут вспоминать, как счастливо избежали кошмара.

– Я обещал девочке жениться, я выполню это обещание, – отстраненно пробормотал Гамлет, задумчиво разглядывая что-то в окне.

– Значит, наша дружба уже ничего не стоит, – не спросил, а констатировал Ёрик.

– А при чем здесь дружба? – отвлекся от окна Гамлет.

– Я тебя прошу как друг: прекратить эту комедию. Я вот этим местом, понимаешь... – Ёрик стукнул себя в грудь, – чувствую крупные неприятности. Я не доверяю этой девчонке. Да и балаган со свадьбой!.. Ты меня знаешь. Я очень чувствительный насчет неприятностей. Я и тогда вам с Коброй говорил, чтобы вы не лезли в то дело, говорил?!

– Ёрик, я не понял, что у тебя тут? – Гамлет ткнул пальцем в то место, в которое только что колотил кулаком юрист.

– Душа у меня тут!

– А, душа! А я думал – желудок.

– Не надо меня смешить, – отмахнулся Ёрик.

– Смешного мало, – кивнул Гамлет. – И зря ты вспомнил про то дело, зря. Я как раз по тому самому делу и оказался тогда в лесу. И до сих пор сижу на счетчике у некоторых весьма важных особ. А в лесу я встретил девочку... – Гамлет поправил галстук на Ёрике. – А знали-то всего четыре человека об этом деле. Четыре. Ты да я, Кобра да Генерал. Мне твои желудочные ощущения сейчас ни к чему. Я женюсь – и точка.

– Какого черта ты вообще поехал в тот лес! – зашипел Ёрик.

– А это потому, друг мой детсадовский, что Кобра, выйдя из самолета, сразу сказал: «Гони в часть!»

– Да-а-а... – Ёрик помолчал, потом потрепал Гамлета по руке. – Тяжелый год был этот восемьдесят девятый, – вздохнул он. – Зачем себя мучить постоянными напоминаниями о нем?

– А с чего ты взял, что я себя...

– Брось, Гамлет. Семь лет ты наблюдал за жизнью этой девчушки и ее прибабахнутых родственников. За семь лет – ни одной зацепки. Самое время плюнуть на все и забыть, а ты устраиваешь эту свадьбу.

– Я ждал его в аэропорту. Было утро. Ясное. Такая, знаешь, легкая розовая дымка над полудюжиной самолетов и снующими туда-сюда между ними людишками – с муравья каждый. Когда пассажиры садились в автобус, Кобра в него вошел последним. Он двигался с трудом, я это заметил и на большом расстоянии. А в проходе для встречающих не появился. Ко мне подошла сопровождающая и попросила забрать его из автобуса. Сказала, что он перебрал в самолете. Я не поверил. Подхожу – а он уже спустился вниз, стоит на ветру – там всегда силь-

ный ветер – улыбается желтым лицом, и из багажа – только пакет небольшой. Его Кобра прижимал обеими руками к животу. Вот сюда. Пониже того места, где у тебя душа прячется. Вот так. Пупок закрывал. «Отведи, – сказал, – меня к машине, только нежно. И улыбайся». И я как дурак улыбался, пока тащил его к автомобилю. Я сразу понял, что случилось несчастье, а улыбался потому, что думал – это знак такой. Кто-то держит его на мушке, я должен улыбаться... Бред полный, а тогда казалось самым важным на свете...

– Гамлет...

– Не перебивай. В машине он сразу сказал: «Гони в часть». Я включил мотор, он – на заднем сиденье – пакет убрал от живота, а там – дырка. Я только спросил: «Где тебя?» Он сказал, что его вели от самого банка, что стреляли уже возле аэропорта, что пуля, похоже, разрывная, что в самолет вошел чудом – турецкая полиция подкатила к отъезжающему трапу, когда люк уже закрыли, и что держится он последние шесть часов только на стимуляторах. Два раза были глубокие обмороки. Багаж утерян. Но Кобра сказал, что все сделал. И мы будем победителями, если я доведу его живым в медсанчасть под Струнино. На ходу одной рукой я перелопатил и сгреб в один ком все бинты, что были в аптечке. Кобра принял две последние таблетки. До Загорска я выжимал сколько мог. А потом заблудился. Вроде повернул правильно, а смотрю – указатели на Александров пошли. Вернулся, поехал проселочными. А Кобра говорит: «Останови, я подышу». Мы останавливались три раза. Два раза он дышал, а последний... заднее колесо завязло. И Кобра стал умирать. Из него уже и кровь не вытекала. И машина – ни с места! Я не спрашивал его, он сам заговорил: «Узнаешь, где деньги, когда привезешь меня в санчасть». Я вижу – он уже... Плохо так на меня смотрит, другим взглядом, незнакомым. Тогда я попросил, чтобы он сказал. Ни в какую. Ухмыляется поганно так, как будто подозревает, что я его брошу. Знаешь, Ёрик, я иногда вижу его во сне. Он стоит на большом пространстве, вроде летного поля, и зажимает свою рану на животе. Знал бы ты, до чего я дошел там в лесу!..

В дверь постучали.

– Нам пора уже, – встал Ёрик.

– Нет, ты не знаешь, я этого еще не говорил! Я тебе это сейчас скажу, чтобы освободиться. Девочка в лесу – она появилась вдруг, как ангел, понимаешь? Я обыскал Кобру везде, а когда ее увидел, подумал, что в рот не заглядывал. Когда он перестал дышать, я выпил почти бутылку виски. И – ничего. Так, поведет иногда в сторону, а так – ничего. А девочка чистенькая такая, нежная и совсем не испугалась. Смотрит на меня с жалостью, ладошкой своей по голове погладила. Ёрик, дай мне марочку.

– Гамлет...

– Дай марку, я сказал, а то упаду при всех в падучей.

Ёрик достает из нагрудного кармана блокнот и протягивает, отводя глаза.

Гамлет осторожно поддевает ногтем небольшую марку с изображением синего слоника и кладет ее липкой стороной на язык. Аккуратно закрывает блокнот. Через полминуты он уже задумчиво мял марку передними зубами, а Ёрик смотрел на его рот и потел.

– Во рту ключа тоже не было, – сплюнул Гамлет и встал. – Знаешь, что я сделал? Я металлоискателем по Кобре прошелся! Вот до чего я тогда дошел.

– Металлоискателем, – кивнул Ёрик.

– Именно. – Гамлет разглядывал себя в зеркало. – Восемьдесят девятый. Тяжелый год. Я всегда ездил с оружием, сканером и металлоискателем.

Они вышли в праздничный гул, в нарядную суматоху, в запахи духов и пудры.

– Ну что? – наигранно бодро Гамлет подхватил невесту на руки. – Познакомить тебя с сыночком, мамочка?

Я нашла глазами мальчика во фраке.

– После регистрации. – Я настороженно разглядывала его странные глаза. – Как только будут соблюдены все формальности, ты меня познакомишь с сыночком, а я тебя – с моей тетей. Вон она, в розовом платьице, на коленях у своего брата сидит.

– Брата? – кое-как сфокусировал взгляд Гамлет на странной паре в холле: высокий черноволосый красавец с девочкой. – Постой, это же... Это твой папочка, какой брат?..

Тут уже я не выдержала – схватила жениха за ладонь и сжала ее что было сил.

– Откуда ты знаешь, что это мой папочка? Ты что, следил за мной?!

– Птичка моя, у меня вклады в трех зарубежных банках, яхта, дом во Франции и боулинг-клуб в Москве. Неужели ты думаешь, что я подхвачу первую попавшуюся выпускницу школы и потащу ее в загс? Конечно, следил! На то у меня есть служба безопасности, а ты как думала?..

– Я?.. Я думала, что ты меня забыть не можешь! – зашипела я, дергая ногами, и размахнулась зеленым букетом. – Я думала, что ты без меня жить не можешь!..

– Конечно, не могу! – Он поставил меня на пол и закрыл голову руками. – И забыть не могу! Спасите! Меня убивают капустой – это... Это полный беспредел!..

Тогда, в лесу, его стошнило как раз на мои сандалии. Я стояла и смотрела на желтоватую жижу, залившую их. А он ушел в кусты и еще минут пять выворачивался наизнанку. А я все стояла и ждала чего-то. Насыпала на сандалии землю и смахивала ее. Это мало помогало, но я упорно нагребала землю одной ногой на другую и уже собиралась заплакать, когда он шумно вышел – бледный, с огромными безумными глазами и с ножом в руке.

– Рот не открывается, – развел он руками и с идиотским видом подмигнул мне. – Попробую ножом разжать зубы...

Такого я уже не выдержала. Я побежала, крича что есть силы, напролом, ничего не видя и не ощущая, пока не выскочила на открытое место, и солнечный свет ударил по глазам, и, поскользнувшись на мокрой глине, я упала и плавно сползла к воде небольшого пруда, все еще крича. Я кричала бы, наверное, долго, если бы не рыжая девчонка в панаме и с сачком. Она зачерпнула рукой воды и плеснула мне в лицо.

– Дура! – крикнула я тут же.

– Сама дура! Ты что, припадочная? Посмотри только – всех убила!

– Это не я! Не я! – Пытаясь подняться, я опять падаю, девчонка с сачком бросается ко мне с воплем, она уже совсем рядом, я вижу ее бешеные глаза цвета крепкого чая и даже успеваю подумать – у меня такие же! – прежде чем, вцепившись друг в друга, мы не скатились по глине в воду.

– Кретинка! – сказала девчонка, как только откашлялась и сняла тину с головы. – Ты убила восемнадцать серебрянок!

– Кого?..

– Ты упала на соток, в нем было восемнадцать самок! Что я скажу Тили?..

Сначала я подумала, что чокнутая девчонка собирает змей, а я на них упала. Попробовала вскочить и броситься наутек, но обнаружила, что не могу сдвинуться с места. Ноги мои, измученные сегодня как никогда, отказались повиноваться.

– Меня парализовало... наверное, – пожаловалась я. – Это от холодной воды, как ты думаешь?

– Это тебе божеское наказание! Ну вот от кого, скажи, пожалуйста, ты так бежала?!

– От этого... мужчины с ножом.

– Ври больше! Здесь никого нет! Еще скажешь, что он хотел тебя зарезать, да?

– Нет. Он хотел ножом открыть рот у трупа. Я потеряла корзинку. Вернее, я ее не потеряла, я ее запрятала, а мужчину стошнило, когда я сказала – рыбное масло...

– Что еще за гадость? – скривилась девчонка, встав в воде и отжимая подол платья.

Она достаточно ловко поднялась вверх по скользкой глине, расставляя ступни в стороны, как это делают лыжники при подъеме. Я сидела в воде и смотрела, как глина выдавливается сквозь ее длинные пальцы ног коричневыми слизняками. Я решила тоже разуться – заодно и сандалии вымою!

Девчонка присела у сетки с металлическим кругом, который она, вероятно, и называла сотком. Потом прошлась на четвереньках, разглядывая что-то в траве.

– Четверо живы! – доложила она. Присела, покачиваясь и обхватив колени руками. Наблюдать, как я полощу сандалии.

– Это все равно что селедочное масло, – сказала я, надеясь достигнуть хоть какого-то понимания и получить ее протянутую руку помощи. Без помощи мне из этой скользкой глины не вылезти. – Селедки не было. Мама сварила соленую горбушу, а потом мы добавили икры. Селедочным маслом это уже не назовешь. Это гораздо вкусней. Вот я и назвала масло – рыбным. А его от этого стошнило прямо на мои сандалии.

– Кого стошнило? Убийцу?

– Он не убийца. Наверное... Он предложил мне выйти за него замуж.

– Да ну?! – насмешливо хмыкнула девчонка и покачалась. – И ты согласилась?

– Я пока не могу. Я несовершеннолетняя. И школу закончить надо.

– Скажите, пожалуйста, какой прагматизм! – продолжала насмехаться девчонка. – А у тебя, кроме масла, случайно пирожков еще не было?

Я поправила на голове чудом уцелевшую во время моего пробега красную шапочку, но обижаться сил уже не было. Я только кивнула:

– С яблоками.

Это произвело мгновенное действие. Девчонка вскочила, скользя спустилась вниз и протянула мне руку с ужасно серьезным выражением лица. Когда она вытащила меня наверх, я потрясла рукой, надеясь, что плечевого вывиха не будет, и спросила:

– Что такое прагматизм?

– Как тебя зовут? – вместо ответа спросила девчонка.

Всегда, когда мне задают такой вопрос, я задумываюсь. В этот раз я доверилась безоглядно и сразу:

– Нефила.

– Агелена! – вдруг обрадовалась девчонка и протянула мне ту же руку, которой она с необычайной силой волокла меня вверх.

– Нет, мама почему-то выбрала имя Нефила, Агелена ей не понравилось, – чувствуя странное напряжение (на удивление у меня уже сил не было), ответила я, пряча свою руку за спину.

– Меня зовут Агелена Воськина! – закричала девчонка. – Ты моя сестра! Мы тебя ждем, ждем, а ты бегаешь по лесу!

Я оглядела место на траве позади себя и, не обнаружив никаких сотков, с облегчением села и только потом спросила:

– В каком смысле – сестра?.. Ты незаконнорожденная дочь моей матери?

– Я законная дочь твоего отца! Я родилась через семь месяцев после тебя! Ну? Неужели тебе никто про меня не рассказывал?

– Дочь отца?..

– Да тебе и правда плохо! Меня родители отправили в Загниваловку к бабушке на лето. Тебя никогда не отправляли, а меня – каждый год! До дома далеко – дойдешь?

– Подожди. Кто это – серебрянка? – Я все еще боялась четырех выживших змей.

– Конечно, паук! – радостно объявила Агелена. – Кто же еще?

– Паук?.. Я никого не вижу.

– Вон они, посмотри на кувшинки! Знаешь, кто первый в мире изобрел водолазное снаряжение?

– Конечно, знаю. – Я на всякий случай прилегла на локти, потому что кувшинки, на которые я пристально смотрела, вдруг расплылись мутными пятнами по воде. – Водолазный колокол изобрели древние греки.

– Ерунда эти твои древние греки! Водолажный колокол первой изобрела серебрянка. Она сплетает под водой плотный шелковый купол, цепляет его паутинками к водорослям, а потом наполняет воздухом.

– Из рта?.. – тупо поинтересовалась я и тем самым разозлила девчонку. Глаза ее посветлели, у меня тоже так бывает, тогда мама говорит, что от злости у меня глаза лимонятся.

– Для такого имени ты слишком тупая, – заявила девчонка и тут же потемнела глазами. – Хочешь посмотреть?

– Да. Нет... Я плохо вижу, я очень устала.

– Это нужно смотреть лежа! Тогда бинокль не дергается.

– Бинокль? – Я с недоверием беру в руки тяжелый предмет.

– Смотри на воду рядом с листом кувшинки. Ты должна заметить, как паучок всплывает! Я смотрела в бинокль, а Агелена рассказывала:

– Сначала серебрянка перевернется вниз головой и выставит брюшко. Потом обхватит брюшко передними и задними ногами, перекрестив их над водой. Потом ноги третьей пары...

– Третьей?

– Ты что, не знаешь, что у паука восемь ног? – с ужасом спросила Агелена. – Третья пара ног упирается в рамку из первых четырех и образует ловушку для капли воздуха. С этой каплей серебрянка погружается в воду и плывет к заранее сплетенному под водой колоколу. Выпустит туда воздух и – за следующей каплей, пока весь колокол не наполнится. Она потому и называется серебрянкой, что, перетаскивая воздух на себе, под водой светится облепившими ее капельками.

– А она не заблудится под водой? Если она тащит воздух, как исхитряется глубоко нырнуть? – заинтересовалась я, но не потому, что наконец разглядела ныряющую серебрянку, а потому, что под биноклем закрыла глаза и дала им отдохнуть, а с закрытыми глазами думать легче.

– Она не заблудится – это раз! – радостно сообщила Агелена. – Потому что всегда тащит за собой страховочную нить. И хорошо опускается вниз – потому что вниз брюшком! Брюшко – тяжелей! Брюшко – тяжелей!

Я убрала бинокль от лица. Агелена прыгала на одной ноге возле меня.

– Зачем она это делает? Зачем строит купол, таскает туда воздух?

– Живет она там! Ей нравится под водой. А хочешь, мы посмотрим, как она там сидит? Как она убирает в своем куполе, проветривает его через форточку? Она только есть в воде не может. Ест на суше.

– Через бинокль посмотрим?

– Нет, что ты. Через бинокль мы ничего под водой не увидим. Мы спустимся в воду, пройдем немного ногами, потом наберем воздуха и осторожно опустим головы под воду. Если двигаться медленно и осторожно, не поднимая ила, то...

– В другой раз! – перебила я Агелену.

К моему удивлению, она не обиделась.

– И правда. Тебя, наверное, уже обыскались. Ты что, – взгляделась она в меня с сожалением, – ничего не знаешь о пауках?

– Почему не знаю? Знаю. Я знаю, что из паутины нефили можно спрясть шелк и он будет прочным и прекрасным, как никакой другой шелк, из него можно даже будет делать оболочку для дирижаблей... Был такой аббат...

– Кто-кто?

– Ну, священник по имени Камбуэ. Он из пауков галабов сделал настоящий ткацкий станок. Разместил их в выдвижных ящичках и тянул из них паутину сразу на станок. И ткал.

– Скоти-и-ина! – не одобрила Агелена подобную предприимчивость аббата Камбуэ.

– А в Новой Гвинее и на Фиджи паутиной даже рыбу ловят!

Мы помолчали.

– А зато серебрянка живет только здесь! – заявила Агелена.

– Только в этом пруду?!

– Нет. В наших прудах, ну, в смысле, в средней полосе России.

Мы опять помолчали, понемногу проникаясь чувством патриотической гордости. И я попросила:

– Помоги мне найти корзинку. Я не могу без нее прийти к бабушке.

– Да уж, – согласилась Агелена. – Она все глаза проглядела – где там ее внучка с пирожками и маслом?

– Лучше бы встретила меня на станции! – парировала я, вставая и отряхивая юбку. Мои разбитые колени сразу зашипало. Агелена сорвала листья подорожника, облизала их и прилепила по одному на каждую коленку.

– И как мне идти? Отвалятся!

– Не отвалятся. – Она роется в кармане платья и вынимает обрезки капроновых чулок. Продев круговые полоски через ступни, надевает их мне на колени, закрепляя подорожник и затягивая в узелок лишнюю ткань.

– Здорово! – одобрила я. – Сама придумала?

– Нет. Тили мне всегда так делает, когда я расшибаю локти. Хорошо держит, да? Куда идти?

– Сюда... Нет, туда.

– Вообще-то ты выскочила с криком оттуда, – показывает Агелена совсем в другую сторону.

– Значит, туда.

Идти быстро невозможно. Агелена скачет впереди и уже через несколько метров показывает мне огромную жабу. Она без страха берет ее в руку. Жаба тут же пускает сильную струю. Агелена, похоже, ожидала этого, отставляет руку в сторону и чертит струйкой на земле круги. Мы смеемся.

– Зачем ты собирала серебрянок? – спрашиваю я.

– Тили решила переселить их на дальний пруд.

– Эта Тили... Она разводит пауков?

– Разводит? Нет, она им помогает, и пауки ей помогают. У серебрянки, например, очень сильный яд.

– Яд? – ужасаюсь я. – Тили нужен яд пауков?

– Серебрянки ядовиты. Ты что, не знала?

– А зачем этой Тили яд?

– Я не спрашивала, – просто отвечает Агелена. – Может, хочет отравить кого-нибудь.

– А я упала на соток с пауками, и они... они могли меня укусить?!

– Могли, – соглашается Агелена. – Вон там проходит дорога. Куда идти?

Показываю рукой. Мы довольно скоро обнаруживаем корзинку с пирожками и маслом.

– Вот здорово! – обрадовалась Агелена. – Я не думала, что мы ее найдем! А где же страшный убийца с ножом? – Она оглядывается.

– Машина застряла на дороге. Я подглядывала сквозь кусты. – Показываю рукой и едва успеваю схватить ее за платье. – Туда нельзя!

– Почему это?

- Там... Там лежал мертвый человек.
- Ну и что? Пойдем посмотрим, уехали они или нет.
- Ладно, только сначала я посмотрю, а уже потом – ты.
- Почему это?
- Потому что я старше! Мой папа ушел к твоей маме, когда я уже родилась! Значит, я старше!
- Подумаешь, а я выше и сильнее!
- Здесь важна не сила, а ум. То, что в голове. – Я показываю пальцем себе на лоб. – Я на семь месяцев умнее.
- На это заявление Агелена не нашла что возразить, и я первая полезла сквозь кусты.
- Машины не было. Это я сразу заметила. Еще я заметила, что мужчина (пригласивший меня в замужество), чтобы выбраться из ямы, ломал ветки и бросал их под застрявшее колесо. Только было я набрала воздуха, чтобы вздохнуть с облегчением, как увидела уже знакомый плед под деревом на траве.
- Он бросил труп? – удивилась Агелена, показывая пальцем на плед.
- Этого не может быть. – Меня затрясло.
- Но ты же видишь – покрывало что-то накрывает! Тебе страшно, да? Знаешь что, ты постой, а я пойду посмотрю.
- Не надо!
- Надо! – с нажимом сказала Агелена. – Я должна точно сказать Тили, есть там труп или нет!
- Зачем говорить это Тили?!
- Потому что она больше не позволит, чтобы на ее земле валялись всякие трупы!
- Агелена бесстрашно сходила к дереву, приподняла плед и что-то разглядывала минуты две.
- Ну, что там?! – простонала я в нетерпении.
- Большая дырка в животе, – ответила Агелена.
- Тогда это точно тот самый! Уходи, что ты там смотришь?!
- Что значит – тот самый? – Она закрывает тело. – Ты думаешь, тут везде по кустам валяются всякие разные трупы?
- Я не знаю, я только думаю, что тот человек не мог здесь бросить своего друга. Он плакал... и вообще.
- Но бросил же! Где машина?
- Может быть, он поехал за гробом?
- От слова «гроб» нам обоим стало страшно, и Агелена очень быстро потащила меня за руку за собой обратно к пруду.
- Не унывай, – сказала она. – Я все расскажу Тили, она придумает что-нибудь. Ты можешь двигаться быстрее?
- Не могу, меня ноги не слушаются! Я с шести утра бегаю, бегаю!..
- Тогда посиди у пруда.
- Ни за что! Хочешь, чтобы сегодня меня еще и пауки покусали? Сама сказала, что у серебрянок ядовитый укус!
- Они не кусают своих, – пожала плечами Агелена, и на меня дохнуло подводным холодком, и даже показалось, что по щеке провели паутинкой.
- Я схожу за Тили и заодно возьму тачку. Отвезем тебя домой на тачке, раз уж не дождалась Кубрика с телегой на станции!
- Не было никакого Кубрика!

– Я тоже сказала Тили, что ему не стоит заезжать за медом на хутор. Потому что, когда он заезжает за медом, он обязательно выпивает пару стаканчиков и потом забывает, куда ехал. А Тили сказала: не с девочкой же ему потом ехать за медом на хутор, а Кубрик...

– Замолчи, – жалобно попросила я. – У меня гудит в голове.

– Это как будто ты нырнула глубоко-глубоко, да?

– Да! И даже хуже...

В воде пруда отражались оранжево-розовые облака.

– Уже солнце садится, – вздохнула я. – Можно я отдохну у пруда полчаса, сил нет никаких.

– За полчаса я успею сбежать и привести Тили.

– Ты думаешь, что эта Тили захочет посмотреть на тело?

– Еще как захочет! – уверила меня Агелена Воськина и предложила отнести в дом бабушки корзинку. Я не согласилась. Я ни за что не хотела расставаться с корзинкой. Если честно, я не верила, что за мной кто-то придет в сумерках. Я не верила, что эта девчонка с моими глазами – настоящая. Мне казалось, что я попала в другой мир, мир Тили, собирающей яд пауков и обожающей смотреть на мертвых мужчин.

Агелена уже бежала, мелькая босыми пятками и придерживая одной рукой бинокль на груди, а в другой у нее трепыхался сачок. А я поняла, что боюсь садиться на землю. Ведь обязательно какая-нибудь чудом спасающаяся серебрянка доберется до меня и укусит.

С большим трудом удалось выдрать три огромных листа лопуха. Положив их рядом, я поместилась вся, вместе с корзинкой. Поджав к животу ноги и обхватив колени – стало прохладно, – я смотрела на полоску леса за большим лугом и думала, что где-то в небе лежит девочка – совсем я, только наоборот – и смотрит на пруд, как на голубое облако...

Вероятно, я заснула. Я даже не слышала, как со скрипом подъехала тачка на двух больших колесах. Я открыла глаза – а надо мной склонилась женщина с распущенными длинными волосами. «Тили-тили-тили-бом, – сказала она весело, – бежит курица с ведром!» Я встала.

Таких волос я не видела никогда. Как будто на женщину накинули баранью шкуру – черные кудри укрывали ее до пояса и спереди, и сзади. Если бы не красная бархатная полоска на голове, проходящая через лоб, они бы и лицо ее закрыли. А какая красивая!.. Женщина взяла меня за подбородок горячими пальцами и смотрела в глаза улыбаясь.

– Здравствуй, Нефила!

– Здравствуйте...

– Агелена сказала, что на моей земле валяется мертвый мужчина.

До этого дня мне и в голову не приходило, что земля может быть чья-то.

– Это через дорогу, – показала я рукой.

– А он уже разложился? – спросил кто-то незнакомым голосом. Я резко повернулась. У тачки рядом с Агеленой стоял высокий взрослый мальчик – как мне показалось в парных июньских сумерках, тоже ужасно красивый.

Агелена прыснула.

Женщина распрямилась, прогнулась слегка назад и положила ладони на поясницу. Я отпрыгнула и чуть не закричала – у нее выступал огромный живот!

– Тили беременна, – тут же разъяснила Агелена, едва сдерживая смех.

– Беременна – это слабо сказано, – заметила Тили. – Я на днях должна разродиться.

– А вам тогда нельзя это трогать! – зашлась я от ужаса, что беременная женщина будет куда-то тащить на тачке тело мертвого мужчины.

– Ерунда, – отмахнулась Тили. – Зови меня на «ты». Родные все-таки. Это мой сын – Микарий. А с Агеленой ты уже познакомилась.

– Я зову его Макар! – непонятно отчего веселилась Агелена. Позже я заметила, что в присутствии этого мальчика она всегда впадает в неконтролируемое состояние языка и тела.

– А в нем уже завелись черви? – странным голосом, срывающимся то на бас, то на писк, поинтересовался мальчик. И я подумала, что природа изрядно устала создавать идеальные черты его лица – на ум времени и сил не хватило.

В лесу было темнее, чем на лугу у пруда. Микарий вез тачку, у которой ужасно скрипели колеса. Если бы не эти колеса – стояла бы оглушающая тишина, и представить в любой другой день, что я иду по темному лесу к забытому под деревом трупу, было бы равносильно самому кошмарному сну, от которого потом полдня вздрагиваешь. В любой другой, но не сейчас. Мне так спокойно и хорошо было с этими людьми, рядом с Тили, словно мы шли гулять в воскресенье в зоопарк и есть сахарную вату.

Потом Тили с сыном пошла смотреть на тело. Вернулись они быстро, и мы провели небольшой совет. Через кусты с тачкой не продрасться. А если выйти на дорогу и по ней возвращаться к Загниваловке, то получится большой крюк и придется еще тачку везти через всю деревню.

– А это, учитывая мою репутацию, – покачала головой Тили, – крайне нежелательно.

Решено было оставить тачку на тропинке, а тело протащить сквозь кусты на плече, которым оно было укрыто.

– А он точно мертв? – осторожно поинтересовалась я, вспомнив умоляющий голос и тяжелое дыхание.

– Мертвее не бывает, – успокоила меня Тили. – Ты хорошо запомнила второго, который его сюда привез? – спросила она.

Я не успела и рта раскрыть, как Агелена, давясь смехом, доложила:

– Конечно, она запомнила, он же предложил ей выйти за него замуж!

Тили посмотрела на меня ласково и вдруг обхватила за голову и прижала к себе. Я угодила лбом как раз в ее тугий живот.

– Бедная ты, бедная! – сказала она. – Забыть его сможешь?

Я ничего не ответила. Зачем огорчать беременную женщину? Вместо ответа я поинтересовалась:

– А фонарик кто-нибудь захватил?

– Ты что, не видишь в темноте? – Тили отстранила меня и подозрительно прищурилась.

– Она не знает, она, наверное, еще не пробовала! – проявила родственную поддержку Агелена.

– Стойте здесь, мы с Микарием притащим тело, – строгим голосом, отмечающим всякие попытки обсуждения, приказала Тили.

Мы с Агеленой остались у тачки.

– Правда, она красивая... – не спросила, а мечтательно выдохнула Агелена.

– Я такую красоту только в музее видела. На картинах. На разных, – уточнила я. – Если собрать с самых прекрасных портретов – глаза, нос, руки...

– А спорим, волос таких ни у кого нет!

Я не стала спорить.

На тачку тяжелую ношу мы поднимали все вместе. Потом Тили попросила отдохнуть минуточку и стояла, прогнувшись и обхватив поясницу ладонями. Она смотрела сквозь кроны деревьев в небо и вдруг ткнула пальцем вверх:

– Вега сегодня какая яркая...

Пользуясь передышкой, я решила кое-что у нее выяснить:

– А что такое – девственница?

Агелена прыснула и запряталась за Микария.

Тачка при этом угрожающе покачнулась.

– Смотря что вкладывать в это слово. Если оттенок невинности, то это – неосуществимая мечта человечества. А если говорить о физиологии... – Тили задумалась. – То совсем просто: крепко сжатые ноги. Иногда это приводит к умению выбирать одного мужчину на всю жизнь.

Со страшным скрежетом мы провезли тачку до пруда. Там подобрали мою многострадальную корзинку. Я ничего не поняла из ее объяснений.

– А что, – поинтересовалась Тили, опять отдыхая прогнувшись, – пирожки действительно с яблоками? – При этом она сделала такое лицо, что я обругала себя последними словами за вредность, проявленную утром.

– Действительно...

Как недосыгаемо давно было это утро! А если по правде, то другой начинки просто не было.

И мы пошли, скучившись вокруг тачки, которую вез Микарий, потому что дорога от пруда вся была в рытвинах и тачка то и дело заваливалась. И я поняла, что отлично вижу в темноте. Хотя, конечно, назвать темнотой эту подступившую молочную ночь было трудно. Звезды на небе можно было разглядеть только в затененных местах, а таких мест до дома с красной черепицей не было, поэтому мы шли под скрежет колес в клочьях тумана и без единой звезды, освещающей путь.

И вот мы оказались у высокого забора с большими воротами, запертыми на замок. Тили сняла с пояса связку ключей, отперла ворота, и мы все вместе проволокли тачку по огромному двору, в котором никого не было, кроме белой лошади, застывшей призрачным изваянием посередине.

– Кубрик вернулся, – кивнул на лошадь Микарий.

– Везем в первый сарай, – сказала Тили.

– А бабушка знает, что я приехала? – осторожно поинтересовалась я.

– Конечно, знает, – успела быстрой улыбкой подбодрить меня Тили. – Но порядочные бабушки в это время давно уже спят!

– Вот именно! – хихикнула Агелена.

Я поняла, что бабушки мне сегодня не видать, и, таким образом, я не выполню поручение – не отдам гостинцы в первое воскресенье июня. Но делать нечего – как бы побыстрее найти уголок и заснуть... Хотя бы даже здесь, в этом восхитительном сене. В нем должно быть тепло и душисто!..

– Скидывай на сено, – приказала Тили Микарию, берясь за концы пледа со своей стороны.

И все как-то быстро после этого разбрелись. Микарий забросал тело сеном, никто ничего мне не говорил, и я решила обойти постройки и поближе рассмотреть лошадь.

От самого большого строения с красной черепичной крышей отходили в стороны другие постройки, примыкавшие друг к другу общими стенами. Так что почти весь двор был застроен по периметру. Я насчитала двенадцать дверей в двенадцать разных построек. И это не учитывая лесенок, лестниц и мощных лестниц, которые в некоторых пристройках вели вверх – вероятно, к другим дверям.

Лошадь оказалась спокойной и ласковой. В ее правом зрачке отражалась голубоватая луна. И в левом тоже. Я обходила несколько раз со стороны морды, разглядывая луну в зрачках, пока лошадь не замотала головой, словно ее от меня укачало, и не фыркнула громко и мокро.

– Тили сказала тебе идти в дом и помыться.

Я представила себе корыто и ведро воды, а угодила в огромную и шикарную ванную комнату. Агелена принесла мужскую рубашку, которая доходила мне до колен, и сказала, что Кубрик приехал в стельку пьяный.

– Тили пошла его лечить. Он напивается редко, но очень сильно. До чертиков.

– Каких чертиков?

– Он говорит, что они маленькие, мерзкие, со свиным рылом вместо носа. Короче – явные признаки белой горячки.

Я надела рубашку, и мы пошли смотреть на Кубрика в белой горячке. Мы шли и шли, переходя из одного помещения в другое. В темноте я то и дело едва успевала обойти какие-то незнакомые предметы и подушки, почему-то валяющиеся на полу, на мягких лоскутных половиках.

Кубрик оказался длиннющим и ужасно худым стариком. Меня так поразила его огромная коленная чашечка, что я не могла от нее отвести взгляда. В пламени свечи коленка блестела первобытной яростью и мощностью неандертальца. Старик сидел на кровати, расставив в стороны голые ноги, так что между ними поместилась беременная Тили на стуле, и открывал рот широко и послушно, как птенец-переросток. Тили из глиняной кружки заливала большой ложкой ему в рот что-то густое и, вероятно, ужасно невкусное, потому что после каждого глотка он кривился и вздрагивал всем костлявым телом.

В комнате было темно, горела одна свеча в подсвечнике на столе и еще одна у кровати в широком бокале толстого красного стекла.

– Свояк ведь умер, – вдруг сказал Кубрик, когда Тили застучала по дну чашки. – Как же не выпить.

– Глотай! – приказала Тили.

– А могилу копать меня не взяли, какой с меня копальщик...

– Еще глотай!..

– Обидели они меня очень. Я сказал, что зимой все дрова сам заготовил...

– Глотай!

– И сам сложил. А они все равно не взяли могилу копать. Я не много выпил, это...

– Глотай!

– Это самогонка у них поганая, ты знаешь...

Тили встала, взяла его за щиколотки и закинула длинные ноги на кровать. Села рядом и стала втирать в грудь старику мазь из поллитровой банки.

– Я от обиды, конечно... еще выпил и пошел на кладбище. Чтобы глянуть, где копают. А там, сама знаешь, как это бывает – когда докопали... Выпили, конечно, все вместе.

– Ты хорошо запомнил?

– Я все помню, я не слабоумный.

– Ты запомнил, где могилу выкопали?

– Кому? – страшно удивился Кубрик и даже приподнялся на кровати. Тили толкнула его, чтобы лег.

– Твоему свояку, – спокойно продолжила Тили, захватывая мазь из банки двумя пальцами и растирая ее потом ладонью по костлявой груди.

– Мой свояк был сволочью.

Тили задумалась, держа банку в руке, с тихим отчаянием в глазах, которые отсвечивали красным.

– Что я, могилу разрытую на кладбище не найду?.. – неуверенно оправдывался старик. – Я же не слабоумный. Одна она там, других нету...

– Тогда вставай и одевайся.

Тили отошла от кровати и открыла дверцы высокого древнего шкафа. Старик с трудом встал, и я задержала дыхание: он был абсолютно голый.

– Ничего себе инструмент у Кубрика, да? – прошептал голос сзади нас, и я чуть не бросилась наутек. Агелена тут же захихикала. – Жаль, что это богатство – всего лишь провисшая старая плоть, – продолжил Микарий. – Еле нашел вас. Приказано накормить и спать уложить.

Только тут я почувствовала ноющую пустоту в желудке.

Мы пошли обратно, но уже через двор. В большой кухне с тремя низко висящими над огромным длинным столом лампами все блестело идеальной чистотой. На металлическом блюде лежали два ломтя черного хлеба с вареньем и стояли две кружки молока.

– Черничное, – кивнула я с полным ртом. – Объедение! А ты поняла, что такое невинность?

Агелена пожала плечами.

– Это что-то вроде дебилизма. Ясно?

– Нет...

– Когда человек совсем слабоумный, не понимает, что вокруг него происходит, и потому всегда счастлив. Он не способен к познанию. Моя мама считает, что девственность – это прямой путь к самоистреблению. Кроме того, девственность и невинность и рядом не стояли. Опять не понимаешь? Возьмем, к примеру, деву Марию. Она забеременела, будучи девственницей. Ничего не знала! Получается, что она была невинна? Не тут-то было! После родов уже никто не называл ее невинной, а ведь она по-прежнему была девственна в том понимании, что не имела полового контакта с мужчиной. Но физиологически уже не была девственницей!

– Почему?.. – Я совсем запуталась.

– Ну ты даешь! У нее все порвалось во время родов!

Пришла Тили.

– Жуй медленно, – сказала она мне. – Не насилуй свой желудок. – Потом сердито посмотрела на Агелену: – А ты намекни при случае маме, что некоторые концепции физиологического и духовного вполне уживаются друг с другом в голове неиспорченного человека. Повтори.

– Некоторые концепси... концепции физиологического и духовного вполне уживаются в человеке, если он не сексуальный маньяк и не умственно отсталый.

– Приблизительно так, – кивнула Тили.

– Классный шлягер! Приколю мамочку, когда она заведется по поводу моей короткой юбки!

– Дерзай, – разрешила Тили и спросила меня: – Знаешь Марго?

– Нет.

– Узнаешь, – вздохнула Тили, – никуда не денешься. Это мама Агелены, она сексопатолог. Я не спросила, что это такое, только потому, что сначала решила правильно произнести это слово про себя.

Тили прошла через кухню к небольшой дверце сбоку, долго гремела ключами, отпирая ее. И вдруг вернулась с ружьем.

– Стреляет? – кивнула я на ружье.

– Тебя это не касается.

И я даже ни вот столечко не обиделась! Когда она хотела казаться сердитой, то хмурилась, соединяя брови почти в одну линию, и ее длинные глаза с густыми ресницами от этого становились еще грустней. Чтобы достойно завершить этот потрясающий по своей поучительности вечер, я уже хотела спросить у Тили, что такое – эти самые концепции, и еще про маму Агелены, но она решительным голосом приказала:

– Девочки, уберите после себя, закройте все двери и ложитесь спать. Мы с Микарием уедем. Ничего не бойтесь.

– Вы поедете на хутор на кладбище, да? – похвасталась Агелена своей сообразительностью. Я в тот момент еще ничего не поняла. – Вы закопаете тело в готовой могиле? – упивалась моя сестричка.

Тили застыла неподвижно, с ружьем в руке и тяжело дыша. Я думала, что вот теперь-то Агелене влетит! Теперь-то Тили наверняка рассердилась не на шутку – вон как дышит, сейчас закричит! Но вместо крика Тили осторожно положила ружье на стол и сняла ключи с пояса.

– Агелена, – сказала она тихо. – Сходи, позови Микария.

– Я здесь, – вышел он.

– Возьми ружье и запри его в кладовке.

Она стояла, не двигаясь, и отслеживала взглядом все движения сына. Убедившись, что Микарий все сделал правильно, протянула руку за ключами.

– А разве можно закапывать? – решила спросить я, раз уж все люди здесь такие добрые и спокойные и разрешается говорить на любые темы. – Разве не нужно вызвать милицию и сообщить его родственникам?..

Все посмотрели на меня. На лбу Тили выступили капельки пота. Я подумала: если она так злится, но не хочет подать виду, то мне это не нравится. Я предпочитаю, чтобы на меня честно орали и ругались в нужный момент – чтобы все было по правилам.

– Мы не поедem его класть в могилу, – сказала Тили, оперлась руками в стол и низко наклонила голову.

– Потому что мы не знаем его имени? – Меня в то время очень волновало, что напишут на моей могиле, когда я умру. Представить, что на ней не будет вообще ничего написано – это равносильно пропаже без вести.

– Нет! – закричала Тили и посмотрела себе под ноги. От неожиданности я вздрогнула, хотя и отметила с облегчением, что наконец-то наступила здоровая реакция на мою болтливость – совсем как у мамы. Тут я увидела, что под Тили что-то натекло. И подумала, что она описалась – так мы с Агеленой ее расстроили.

– Нет, – сказала Тили уже спокойным голосом. – Мы не поедem на кладбище, потому что я рожаю. Микарий, поставь воды на газ.

– У вас есть телефон? – Ноги мои подкосились, я держалась из последних сил. – Нужно срочно вызвать «Скорую» или Службу спасения!

– Никаких «Скорых», – категорично заявила Тили. – Агелена! Ты помнишь, как мы с тобой принимали жеребенка осенью? Прогладь две старые простыни и прокипяти нож.

– Запросто, – побелевшими губами прошептала Агелена.

– Нефила, пошли со мной, подготовим место. Микарий! Уходи подальше – я, наверное, буду кричать. Если понадобится, я пошлю к тебе девочку. А пока приготовь мне деревяшку в рот. Помнишь, когда я зашивала себе рану, ты сделал такую...

– Я сейчас сделаю из липы, – кивнул Микарий. – Липа помягче будет.

И я поняла, что это не представление, устроенное, чтобы свести меня с ума. Это все взаправду. А тут еще Тили стала раздеваться по дороге из кухни. Она оставляла в коридоре вышитую безрукавку, потом блузку с пышными рукавами, потом одну юбку, перешагнув через нее, упавшую, ногами в коротких кожаных сапожках. И я, совершенно зачумленная, еще подумала – лето, а она ходит в сапожках!.. Потом другую юбку, потом она осталась в одной длинной сорочке и с кожаным поясом с пристегнутыми к нему ключами, и тогда я, подбиравшая за ней одежду, увидела кровь на сорочке внизу – большое пятно – красное на белом – и не выдержала. Я закричала, бросила вещи и побежала по длинному коридору, стуча во все двери подряд. Я кричала: «Бабушка, где ты! Бабушка, я приехала к тебе! Мне страшно! Где ты?!» И много еще всего. Что и говорить – для одного дня, даже самого ужасного и фантастического, это было чересчур.

– Красная кровь на белом, – я провела рукой по брачному ложу. – Это страшно.

– Это нормально, – возразил Гамлет. – Садись ко мне на закорки. Я буду лошадкой. А ты погоняй меня ногами и дергай за волосы. Иго-го!..

– А можно я лучше сразу лягу на спину и раздвину ноги? – отпрыгнула я от законного (уже три часа) мужа, выставившего у себя на голове указательными пальцами «рожки».

– Сразу – нельзя! – Он опередил меня и оказался у кровати первым. Сдернул расшитое шелковыми цветами покрывало и с сосредоточенным видом полез под кровать. – Сначала проведем некоторую подготовку...

Он достал «дипломат» и открыл его на полу. Я не разглядела толком, что там было, а Гамлет достал странный сверток и положил на белейшую простыню. С изумлением я смотрела, как он медленно и осторожно разворачивает какую-то серую тряпку с вышивкой посередине и любовно разглаживает ее как раз в центре кровати.

– Нравится? – спросил он, когда отошел на два шага полюбоваться.

Тряпка была квадратной, из грубого серого полотна. Посередине, в очерченном красном квадрате, уже довольно истертая вышивка изображала что-то вроде бутылки и веночка из роз. Внутри квадрата по его углам из накладных лоскутков были нашиты четыре изображения, назначение которых мне так и не удалось определить, сколько я в них не вглядывалась.

– Это вол, змея, орел и лев! – с готовностью объяснил Гамлет.

– Зачем ты положил это на кровать?

– Это герб клана охотников. Ван-Тейманы были его основателями. Глава клана должен окрасить этот герб кровью девственницы в брачную ночь. Потом он вывешивается в окно на всеобщее обозрение и на радость ликующего народа.

– А это не заразно? – Я осторожно потрогала тряпку пальцами. – Она же грязная?!

– Это не просто грязь, – многозначительно кивнул мой муж. – Это пыль веков и кровь девственниц!

– Ты хочешь сказать, что все Тейманы в вашем роду орошали эту тряпку кровью девственниц?!

– С этим, понимаешь, есть некоторые проблемы. – Гамлет присел на кровать и подтянул меня к себе за руку. – Мелисса Гонкурдорф, например, воспользовалась кровью курицы, поскольку не сохранила к свадьбе свою девичью честь незапятнанной. Кстати, словосочетание «незапятнанная честь» приобретает в таком случае вполне определенный смысл, тебе не кажется? Честь девушки, не окрашенная ее кровью! Хорошо сказал?

– В свою брачную ночь она затащила в постель мертвую курицу? – ужаснулась я.

– Нет, конечно. Она принесла с собой пузырек с кровью, но служанка проговорилась, и потом Мелиссу убили за обман. Следующая претендентка на этот герб была девственницей, но вот ее муж... В силу своего восьмидесятилетнего возраста он оказался не способен на супружеские отношения, и пострадала кошка. По обоюдному согласию жених и невеста прирезали несчастную кошку, попавшуюся им на глаза.

– Ты это все выдумал, да?

– Зачем? Я пересказываю тебе только интересные истории, а сколько женщин обыденно и достойно оросило этот герб, я точно не знаю. – Гамлет осторожно вынимал булавки и разматывал на мне мадагаскарский шелк. – Одно могу сказать – за последние сто двадцать лет тряпку никому не удалось испачкать кровью. Может быть, это тебя утешит.

– Как это?..

– Это совсем просто, птичка моя. Девственницы стали большой редкостью!

– Стоп! – Я освободилась из его рук. – А как же твоя первая жена?..

– Увы!..

– Ты узнал... по этой тряпке?..

– Я ее и не стелил, я знал заранее. Что ты так смотришь? Я тоже не был девственником. Пытаясь осмыслить услышанное, я прошлась туда-сюда по комнате в черно-красном белье.

– Это... Эту штуку ни разу не стирали?

– Как можно!.. Это же сама история!

– Подожди, что же получается? Мы должны лечь на это?..

– В основном, – уточнил Гамлет, – должна лечь ты.

– Допустим. – Я мотнула головой, не в силах придумать, как избавиться от этой гадости на брачном ложе. – А потом? Что потом? Куда ты ее денешь?

– Она должна провисеть не менее трех суток в людном месте, а потом ее можно убрать на хранение.

– В каком еще людном месте?! Да если моя мама узнает, что я лежала на таком!.. На такой грязной тряпке, она не отстанет, пока мы оба не сдадим анализы.

– Твоя мама?.. Ты думаешь, она будет регулировать мои взаимоотношения с собственной женой и историческими регалиями после ожерелья, которое ей должны доставить через неделю из Англии? Ну, знаешь!.. И вообще – ты все говоришь маме?

– Сам только что сказал – на всеобщее обозрение! – разозлилась я, потому что совсем запуталась.

– Я имел в виду, что повешу герб у себя в кабинете, на ковре, между мечом Годфрида Длинного и металлической перчаткой Колгана.

– А кто же тогда будет знать, что именно там висит?! – перебила я.

– Все мои друзья и знакомые мужского пола. Что ты так разнервничалась? Давай выпьем и расслабимся наконец.

– Молодоженам пить нельзя! – вспомнила я застольные пожелания родни со стороны жениха и намеки моего папочки.

– Это если они собираются зачать ребенка. А ты подписала брачный договор – сама настояла! – и теперь не должна...

– Тогда – шампанское.

Бутылка открылась с праздничным хлопком и вырвавшейся пеной. Я выпила два бокала и созналась, что трушу ужасно.

– Я тоже, – улыбнулся Гамлет.

– А что ты сделаешь, если крови не будет? Я знаю, мне Марго говорила, что так тоже бывает при повышенной эластичности.

– Неужели? – хитро подмигнул он и поцеловал меня долгим откровенным поцелуем. – Придумаем что-нибудь... – шептал он в самые губы, расстегивая кружевной лиф. – Кошку можно зарезать...

После слов о кошке мы больше почти не разговаривали. Делали все молча, с упорством одержимых. До сих пор я вспоминаю эту ночь с улыбкой. Вот мы чинно улеглись на кровать в классической позе, но мне больно – я протестую. Мы встаем, ходим по комнате, пристраиваясь то у стола (Гамлет в последний момент тащит с кровати свой герб и бросает его на пол между ног), то в кресле: он – сзади, вековое сокровище разложено у моих колен. Гамлет предложил лечь на ковер, чтобы я была сверху и сама регулировала проникновение. Он уверял меня, что это самая безболезненная поза для девственницы, я сердилась – откуда ему-то знать?! – ничего не получилось. Потом мы долго топтались на ковре лицом друг к другу, превратив герб в скомканную тряпку, и Гамлет бросился заботливо расправлять его на полу и разглаживать придавленными книгами. Потом я стала его щекотать и гладить, и неожиданно это кончилось самым настоящим сексуальным бешенством у обоих, и уже когда я почувствовала его между ног, Гамлет опомнился и бросился раскидывать книги, притащив свою реликвию в зубы. Я рассвирепела и стала бегать за ним, чтобы выбросить эту погань в окно или за дверь, где затаились самые любопытные из гостей извращенцы – мы слышали их подбадривающие вскрики в моменты нашей беготни и визгов. Я даже отняла герб, потому что решительно применила силу, а Гамлет ужасно боялся его порвать и выпустил из рук. В пылу борьбы мы как-то оказались на кровати, и все случилось быстро, слишком быстро, и я не успела заметить, когда муж подсунил под мои ягодицы скомканный герб клана Тейманов.

Опомнившись, первым делом я столкнула ногой герб на пол и обнаружила, что простыня тоже испачкана. Красное – на белом...

После истерики Тили сама отвела меня в комнату с огромной кроватью и ночником с наброшенным на абажур шелковым платком, отчего все стены окрасились в оранжево-синие полосы, а в большой клетке на полу спал черный ворон, опустив голову и опираясь на расставленные крылья. Я вглядывалась в лицо Тили и замечала приливы боли, которые она переживала, отстраняясь глазами и глубоко дыша.

– Иди, рожай! – не выдержала я ее заботы.

– Ты куда не побежишь?

– Нет! Только птицу заberi.

– Ворон останется здесь. Он не подпустит никого чужого.

– Да он же спит!

– Нет. Он сторожит. Если появится кто чужой, он закричит и набросится на него.

Тут я заметила, что клетка открыта.

– Агелене страшно, – сказала я.

– Я знаю, – кивнула Тили. – Я тоже боюсь, но бояться глупо. Самый лучший акушер рядом. Правда, он пьян и не отличит меня от овцы. Но в этом есть и хорошая сторона – животных Кубрик любит и ценит больше людей. Ты все еще боишься?

Я крепко зажмурилась и промолчала.

– Пойдем, я тебе что-то покажу.

Она берет меня за руку и ведет через коридор в угловую комнату.

– Что это?.. – Сколько ни вглядываюсь в странную конструкцию, подвешенную к потолку на четырех блестящих канатах, понять не могу.

Это странная полусфера, словно сотканная из пучков вычесанной шерсти, мягкой и белой. Она качнулась от моего прикосновения; я опустила ладонь внутрь, и пальцам стало тепло и нежно. Как в...

– Хорошая колыбель для моей дочурки? Что ты так смотришь? Это шерсть пуховой козы, а ты что подумала?..

Я ушла в комнату с клеткой и забралась на кровать. Страшно. Волк обманул Красную Шапочку – прибежал к бабушке первый и притворился, что он – внучка. А дверь открыть не смог. Тяжелые ворота в доме моей бабушки, везде – крепкие замки, а ключи Тили носит на поясе... А бабушка хороша! – разлеглась на кровати в ожидании пирожков и селедочного масла!.. Но дверь, как оказалось, открывалась элементарно: «Потяни за веревочку!..» Страшно... Какие-то шаги по дому и странный шорох. А, это птица отряхнулась. И птица страшная. А если лечь под кровать? Приходит волк, а на кровати – никого! Я замоталась в стеганое одеяло и заползла под кровать. Ворон приоткрыл веко и следил за мной одним глазом. Чтобы не видеть этот блестящий черный глаз, я закуталась с головой и совершенно спокойная заснула.

Я проснулась от странных звуков. Кто-то негромко постукивал по полу. За окном было светло. Я забралась на кровать и опять заснула. Проснувшись второй раз, я обнаружила, что рядом со мной спит Агелена, а по полу ходит большой ворон, припадая на одно крыло.

– Чего ты?.. – спросила Агелена, не открывая глаз.

– Птица стучит когтями по полу.

– А-а-а... Пусть стучит.

– А почему его клетка на полу?

– Он подранок. Крыло подбито. – Агелена говорила еле слышно, не открывая глаз. – Ребенок родился, – зевнула она и потянулась.

- Ты видела, как он родился?.. – Я резко села.
- Нет, я увидела уже, когда Кубрик пуповину перерезал и дал мне его вымыть.
- Кого?..
- Ребеночка. Он был весь в крови. Это девочка. Хорошенька-я-а-а..
- А Тили?
- Спит. И девочка спит. И ты поспи еще немножко или хотя бы полежи тихонечко.

Но желание первой рассказать мне все новости пересилило, и Агелена, подсунув подушку повыше под спину, начала с родов:

– Палочка в рот не понадобилась. Тили родила быстро, почти и не кричала, а когда стонала, Кубрик гладил ее по животу и говорил: «Ну, козочка моя, все идет хорошо!» А потом пришли бандиты, три человека, они были не страшные совсем, но Макар наставил на них ружье, а ворон так разорался, так наскакивал, что один бандит даже перекрестился. Я думаю, они испугались не Макара с ружьем, а Тили, которая рожала, и Кубрика – он встал и пошел на них, подняв вверх окровавленные руки в перчатках: «Вон отсюда! Вы мешаете отелу!»

– Почему ты решила, что это бандиты?!

– Макар услышал стрельбу, взял у Тили ключи и сбегал за ружьем. Он сказал, что бандиты стреляли по замку на воротах и только так попали во двор. Они всю Загниваловку обошли. Осматривали автомобили. И к нам во двор рвались, потому что им местные сказали, что у нас есть машина.

– А потом?..

– А потом Кубрик дал мне ребеночка, я положила его в таз и обмыла холодной водой. Кубрик сказал – холодной. Потом Тили выпила целый литр молока и заснула с ребеночком, а Макар сел у ее комнаты сторожить. А потом он сказал мне там сидеть, а сам с Кубриком запряг лошадь в телегу, и они поехали на кладбище по старой дороге – по ней только телега проедет.

– Зачем? – перешла я на шепот.

– Макар сказал, что нужно сделать подарок маме. Она проснется – а проблем никаких. Замок на воротах починен, тело предано земле.

– Они поехали зарыть тело?!

– Ну конечно. Нужно было успеть до рассвета. Только Кубрик сначала ничего не понимал, но Макар сказал, что на кладбище он проветрился и даже помог ему углубить могилу.

– Углубить?..

– Это хитрость такая. Они вырыли еще немного вниз и положили твое тело...

– Почему это – мое?!

– Это же ты его обнаружила. Лазила по кустам. Разговаривала с незнакомым мужчиной. Знаешь что: если ты проснулась, иди к Тили. Она сказала, чтобы ты пришла, как только проснешься.

– Но она же...

– Иди! Я и так тебя задержала. Все интересное уже рассказано, иди.

На самом деле меня ждало еще много интересного.

Я плутала по коридорам, пока не сообразила пойти в угловую комнату, где висела колыбель. Тили с запеленатым ребенком лежала на кровати, возле нее стоял Микарий. Они тихо разговаривали. Тили показала мне глазами на стул. Я села и покачала колыбель.

– Не качай пустую, – попросила Тили. – У девочки будет болеть голова.

Я остановила колыбель.

– Ты положил его в корзину?

– В большую овальную корзину, Кубрик раньше в ней заготовки свои держал.

– И она поместилась в яму?

– Как раз.

– А чем накрыли?

– Плед мы не раскрывали, а сверху я еще обернул фольгой. Потом мы насыпали сантиметров десять земли.

– Ты думаешь... ему удобно лежать в корзине?

– Удобней, чем в лесу под деревом, – вздохнул Микарий. – Я пойду спать. Кубрик тоже спит.

– Как же вы справились, он такой тяжелый!.. – Тили взяла сына за руку.

– Я уже большой, – сказал мальчик, осторожно убирая ее пальцы с запястья. – У него ноги не вытягивались. Остались согнутыми в коленях.

Когда он ушел, Тили постучала ладонью по кровати. Я подсела к ней.

– Моя бабушка встала? – спросила я. – Уже светло. Она же рано легла.

– Хочешь, я покажу тебе твою тетю? – вместо ответа спросила Тили.

Я не очень поняла, что она имеет в виду. Пожала плечами. Все-таки лучше, если мне наконец покажут мою бабушку и я наконец дам ей попробовать пирожки и масло.

– Смотри, какая хорошенькая. – Тили приподняла уголок пеленки. Я долго разглядывала сосредоточенное крохотное личико.

– Спит...

– Это твоя тетя, – кивнула Тили. – Ее зовут Тегенария.

– Так не бывает, – тупо воспротивилась я. – Тетя – это сестра мамы или отца.

– Именно. Она – сестра твоего отца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.